

Тлетельница
ДРАКОНА

ДРАКОНЫ РУР

ШИА МЕЛЛОЙ

Наш мир исчез, а драконы поработили нас. Жизнь, которую я знала, изменилась навсегда, когда я потеряла того, кого любила. Я стала предателем своего народа в день, когда спасла Терона, привлекательного дракона, принца Андрасара. Он отплатил за мою доброту пленом. Сделал меня своим рабом. Он мой враг, из когтей которого я должна желать вырваться. Монстр, которого должна ненавидеть. Но он заставляет меня забыть, когда его прикосновение обжигают словно клеймо, помечая как свою. Люди представляют угрозу и должны быть уничтожены. Я посвятил свою жизнь страданиям людей. Их нежелательное присутствие - напоминание о том, что я потерял. Появление Силы, красивой человеческой женщины, которая спасает мою жизнь, противоречит моим убеждениям. Она моя половинка огня, которой суждено стать моей парой. Я не могу ее принять. Не имею права желать. Она мой враг. Но она издает такие сладкие звуки капитуляции, когда я пробую ее на вкус, что у меня нет выбора, она должна принадлежать мне, и она будет принадлежать мне. Мне больше нравилось, когда тебя не было. Мне больше нравилось, не зная, что я нуждаюсь в тебе.

•

Название: "Пленница дракона"

Автор: Шиа Меллой

Серия: "Драконы Рур", 1 книга

Переводчик - Кира Антипова

Редактура - Людмила Галкина

Сверка - Юлия Хорват

Дизайн русскоязычной обложки - Кира Антипова

Аннотация:

Наш мир исчез, а драконы поработили нас.

Жизнь, которую я знала, изменилась навсегда, когда я потеряла того, кого любила. Я стала предателем своего народа в день, когда спасла Терона, привлекательного дракона, принца Андрасара. Он отплатил за мою доброту пленом. Сделал меня своим рабом. Он мой враг, из когтей которого я должна желать вырваться. Монстр, которого должна ненавидеть. Но он заставляет меня забыть, когда его прикосновение обжигают словно клеймо, помечая как свою.

Люди представляют угрозу и должны быть уничтожены.

Я посвятил свою жизнь страданиям людей. Их нежелательное присутствие - напоминание о том, что я потерял. Появление Силы, красивой человеческой женщины, которая спасает мою жизнь, противоречит моим убеждениям. Она моя половинка огня, которой суждено стать моей парой. Я не могу ее принять. Не имею права желать. Она мой враг. Но она издает такие сладкие звуки капитуляции, когда я пробую ее на вкус, что у меня нет выбора, она должна принадлежать мне, и она будет принадлежать мне.

Асафура – половинка огня; суженая пара Рур

Драки – дракон

Рур драки – дракон Рур

Кахафура – мать огня и богиня Рур; божество

Конай – верховный принц; лидер региона в Рур

Конай са – верховная принцесса

Та Конай - Мой принц; формальный/уважительный способ обратиться к Конай

Най – принц

Най са – принцесса

Каха – мать

Тоха – отец

Ниха – сын

Нихаса - дочь

Рахса – сестра

Рах – брат

Окан – дядя

Сафур – шар света и тепла сформированный из источника энергии Рур

Завьет – раб

Завьена – хозяин раба или хозяева

Время на Рур:

Эну(р) – год(ы)

Дета(р) – день(дни)

Сэн – час(ы)

28 сэн в 1 дета / 28 часов в 1 дне

402 детар в 1 эну / 402 дня в 1 году

На Рур нет недель или месяцев

Глава 1. Сила

Истинная жажда - не просто пересохшие губы и язык, который прилипает к небу.

Это отчаяние, головокружение, и конечности, словно из свинца.

Оказывается, что вид проточной воды столь же замечателен, как и лицо любимого, которого не видели долгое время.

Сбросив сумку со скудными вещами на берегу реки, я бросаюсь в воду с остатком энергии, с теми крохами энергии, что у меня остались.

Если в кустах скрывается какая-то угроза, то это тот момент, когда я буду наиболее незащитна. Когда окунула лицо глубоко в воду, кончик моего носа практически коснулся дна.

Вода стекает по лицу, когда я поднимаюсь из реки и вдыхаю воздух. У меня нет терпения фильтровать воду, и я не забочусь о ее тяжелом, землистом вкусе. Холодная вода - это рай на губах и языке. Брызгая в лицо, я увлажняю свою горячую кожу.

Мои брюки хлюпают, и с них капает вода, когда я сажусь рядом с сумкой. Мой желудок урчит, несмотря на всю воду, которую только что выпила, поэтому роюсь в сумке в поисках годной лозы и откусываю по кругу темно-синие фрукты.

Прохладный ветерок колышет листву фиолетового дерева. Воздух становится прохладнее, когда приходит вечер. Солнце уже село, но последние следы света мерцают на поверхности реки.

Это первый источник питьевой воды, который я нашла за несколько дней. Этот густой лес заполнен болотами, насекомыми и животными различных видов, которые не относятся любезно к человеку, который пробирается через их территорию.

Легко узнать о географии, где вы живете, от безопасной консоли или от кого-то другого. Но приобретать знания на собственном опыте, это совсем другой уровень.

Смех Иккона, огрубевший от возраста, эхом отдавался в моей голове, его бронзовые глаза горели весельем на морщинистом лице, точно не так легко.

«Ты не такая крутая, как думаешь, Сила», - он бы поддразнивал, если бы был здесь.

Невидимая рука жесткой хваткой оборачивается вокруг моего сердца и сжимается. Я быстро моргаю, чтобы сдержать слезы потери и ярости. Потеряна в чреве леса Андрасары, трудно принять, что единственная константа, единственная неизменная и постоянная в моей жизни, ушла. Они забрали его у меня. Мой дом тоже исчез. Все, что осталось - желание найти, где можно жить.

Еще один попутный ветерок доносит крики людей. Их ужас и паника, заставляют меня беспокоиться. Это слишком сильно напоминает мне то, что я пережила, прежде чем найти этот лес.

Перебросив сумку через плечо, я вскочила на ноги. Грохот пересиливает крики. Отражающийся звук от деревьев разбивался и обрушивался на землю, сотрясая все вокруг.

Птицы стремительно кричат и бросаются в небо, цвета лаванды. Мое сердцебиение нарастает, удары, как барабаны в груди.

Рур драки.

Убегай.

Настойчивость предупреждения усиливается, когда крики прекращаются. В растущей темноте, тишина жуткая и предвестник беды. Тем не менее, мне любопытно.

Против здравого суждения я пробираюсь туда, где слышала крики. Иккон сказал мне однажды, что мое любопытство подарок от матери огня и богини планеты Рур - Кахафуры. Он также сказал, что если я не буду осторожна, это любопытство станет причиной моей гибели.

Может быть, поэтому мы, люди, рабы драки. Мы проигнорировали логику в пользу обнаружения.

Зачем ты это делаешь?

Там могут быть выжившие, и им может понадобиться моя помощь.

Когда Иккон нуждался во мне, я не могла ничего сделать, чтобы спасти его. Но, может быть, я могу помочь этим людям. Хотя, не уверена, что могу что-то сделать для любой несчастной души, которая борется с драконом. Возможно единственная, помощь, которую могу предложить, это закончить их страдание моим клинком в их шее.

Мои шаги легкие, плечи сгорбились. Густые, темно-бордовые кустарники, по высоте достигающие моего плеча, царапают кожу. Зловоние сожженной плоти и дыма пронизывает нагретый воздух, моя кожа увлажняется потом.

Низко пригнувшись, я раздвигаю кусты и мне открывается небольшая поляна, образовавшаяся из-за вырубленных деревьев. Некоторые из них горят. Вдоль горящих крон лежала черная гора твердой, мощной плоти. Его крылья лежали неподвижно, хотя и скручивались близко к телу, потому что область была ограничена.

Клинки выступают из его тела, обсидиановый отблеск маркирует их, как сталь Рур.

Обугленные человеческие комочки разбросаны вокруг дракона. Дракон напал на людей или люди сначала ударили?

Хотя история о том, как люди стали жить на Рур, была приукрашена для развлечения, мы все равно знали правду.

На земле 2237 эну, наша планета стала неблагоприятной из-за высокого уровня радиации. Только маленькая группа сумела спастись при помощи космического корабля.

Остатки нашего вида прочесывали пространство в поисках другой пригодной для жилья планеты, пока случайное падение через червоточину* не привело нас на Рур. (*прим. пер. - червоточина - пространственно-временные туннели в гипотетической модели Вселенной)

Людам было дано убежище в одном из районов Рур под названием Андрасар от его Конай – верховного принца-Дохар Висклауда. Год спустя Дохар умер, а его брат Афат Висклауд стал Конай.

Первый указ Афата, как нового Конай Андрасары: поработить людей.

В течение восемнадцати лет люди терпели порабощение Андрасары, ни капли не сопротивляясь. До сих пор. Есть репортажи о восстаниях, о людях, сражающихся против Андрасары. Люди объединяются, чтобы выступить против рабства.

В их первичной форме, существа Рур почти могут сойти за человека. За исключением их глаз, которые светятся огнем, пойманные в ловушку их второй животной сущностью.

Они грозны, когда превращаются в свою драконью форму. Это дурацкая затея, бороться с драки. Мертвые люди, лежащие там, узнали этот тяжелый путь.

Уходи. Сейчас же. Это необходимо, если хочу жить. Но мой взгляд прикован к дракону. Прекрасное чудовище, которое пугает меня от макушки до кончиков пальцев ног.

Я в восторге от того, сколько сил заключено в этом огромном звере. Это должно быть настолько освобождающим, чтобы быть настолько сильным. Знать, что все и всё дрожит в твоём могучем присутствии.

Глаза дракона закрыты. Он мертв? Легкие струйки дыма дрейфуют из его морды, означая, что он дышит. Может быть, я должна помочь ему. Выйти туда и предложить удалить клинки из его тела, чтобы он мог исцеляться должным образом.

Не будь глупой, Сила. Ты станешь его следующей жертвой.

Слова Иккона резонируют в моей голове.

Каждая жизнь имеет значение.

Но как насчет жизни убийцы моего народа? Только несколько андрасари всегда были добры ко мне, среди них Иккон. Другие считают мой род врагом. Они порабощают нас, мучают, убивают.

Мертвые люди окружали дракона.

Он сжег людей заживо.

Не должен ли он тоже умереть?

Мое сердце стучит в груди, рот пересох от гнетущего жара. Моя промокшая одежда прилипает к коже, тяжелая и неудобная.

Каждая частичка меня говорит, что я должна бежать, но меня удерживает в плену некоторая необъяснимая связь. Как будто Кахафура привела меня сюда для какой-то цели и требует, чтобы я довела ее до конца.

Дракон внезапно поднимает голову и открывает глаза. Он поворачивает голову, и его два великолепных золотых глаза, с оттенком киновари*, пригвождают меня к месту, где я сижу. (*прим. пер. - киноварь - самый распространённый ртутный минерал. Имеет алую окраску, в переводе с арабского языка звучит как кровь дракона)

Мое сердце готово остановиться, а затем перезапускается с такой скоростью, что я не могу дышать. Поднявшись на дрожащие ноги, я держу свои пустые руки высоко и видимыми.

Затем я выхожу из своего укрытия с хлюпающим эхом от обуви.

Я говорю быстро, мой голос вырывается из груди.

— Я могу помочь.

В тот день, когда я потеряла Иккона, когда была вынуждена покинуть свой дом, было страшно. Этот момент, смотря в огненные глубины глаз драки, сопоставим с тем, испытанным мной ужасом.

Подняв крылья, дракон взбирается на когтистые лапы, увеличивая свой огромный размер, силу, возможности, несмотря на повреждения. Я идиотка из-за то, что раскрыла себя, и заплачу

непомерную цену за свою глупость.

Дракон продвигается, его левое крыло ниже правого, от каждого его шага, вибрирует земля. Я делаю несколько шагов, отступая назад.

Убегать слишком поздно? Абсолютно. Я буду сожжена дотла в момент, когда повернусь спиной к этому монстру. Так что, остаюсь стоять лицом к лицу с приближающейся гибелью.

За исключением того, что моя приближающаяся гибель сгибается и падает на землю до того, как достигает меня.

Он ревет, ужасающий звук заставляет мое сердце бешено стучать. Ряды длинных острых зубов цвета слоновой кости, предназначены для раздавливания костей одним укусом, а блестящий оранжевый цвет из темной пещеры его рта заставляет кожу сжиматься.

— Я могу помочь тебе, — говорю я снова, поднимая руки выше. — Я могу убрать клинки.

Мой голос ломается от слов. Я умру. После гонки на выживание в этом лесу, это моя финишная черта.

Низкий, грохочущий звук исходит от дракона. Он закрывает рот и его крылья опускаются. Но его блестящие золотистые глаза зафиксированы на мне.

Наблюдая.

Ожидая.

Это мой момент, чтобы убежать, не так ли? Так почему не бегу? Почему делаю шаг вперед, даже если мои ноги угрожают выйти из строя? Почему делаю еще один шаг?

Это абсурд, но чувствую, что должна спасти это темное чудовище. Но чем ближе я к нему, тем сильнее трясусь.

Я глупая добыча, охотно жертвующая собой хищнику.

У моей ноги сожженное тело, под ним выжженная черная земля, но я поддерживаю зрительный контакт с драконом, чтобы доказать свою искренность.

Я достаточно близко, чтобы превратить меня в ничто, в прах, достаточно близко, чтобы он поднялся и сожрал меня целиком.

Глава 2. Сила

Иккон никогда не показывал мне свою форму дракона, так что это первый раз, когда я была так близко к ним.

Я не могу не восхищаться им. Спираль золота и черный разрез глаз завораживают меня.

На его голове есть гребни и симметричные полукруговые узоры на плоти. Его крылья затмевают меня и усиливают мое чувство ничтожности.

Я жду знак того, что он принимает мое предложение. Он еще не убил меня, так что думаю, это согласие. Если я переживу сегодняшний день, будет отличная история для рассказа.

Я, Сила Пит, столкнулась с Рур драки. Вот я, живая и невредимая, чтобы поделиться этим замечательным рассказом.

Дракон стукнул хвостом один раз, его напряженный взгляд ни разу не колебался.

Мои шаги неуверенные. Любые резкие движения и меня нет. Этот момент настолько сюрреалистичен. Как будто я, находясь вне тела, наблюдаю, как совершаю акт, неизмеримого уровня идиотизма.

Стоя рядом, тепло дракона окутывает мою кожу, его запах напоминает свежую землю. Он оборачивает шею, чтобы наблюдать за мной, пока я осматриваю, как первый клинок пронзил его левое плечо.

Единственная эта травма убила бы человека, но дракон все еще жив с этими клинками, пронзившими его плоть.

Удаление клинков кажется необдуманном, но у меня нет выбора. Иккон сказал, что

существо Рур имеет целебные свойства в своей крови. Чтобы оно работало надлежащим образом, уверена, сначала эти посторонние объекты должны покинуть тело.

Когда я осторожно вытаскиваю первый клинок, темные гейзеры крови идут из раны. Кровь свободно стекает, отверстие не закрывается, как я ожидала. Я беспокоюсь, что мой план может не сработать.

— Я должна буду забраться на тебя сверху, чтобы удалить остальные, — говорю я, продвигаясь вперед. Я не знаю, как управляю словами, от одной лишь мысли об этом, мне хочется избавиться от скудного завтрака, который съела.

Это попытка ожидать, когда он примет то, что я собираюсь сделать. Долгое молчание, когда я уверена, что он убьет меня, поскольку предлагаю забраться на него, как если бы это было обычное животное.

Дракон снова стукнул хвостом.

К счастью, остальная часть его тела не имеет гребней, как те, что на голове. Я взбираюсь на его спину и клянусь богиней, мое сердце может взорваться.

Его плоть теплая, грубая и текстурная. Но насколько я хочу насладиться этим опытом пребывания на драконе, я знаю, что есть последствия, за то, что попусту теряю время.

Дракон рассматривает меня через плечо, и я могу ощутить его недоверие, даже не смотря на то, что позволил мне зайти так далеко.

Дракон дрожит от боли с каждым клинком, которое я вытягиваю, его кровь течет из открытых ран. Это правильный выбор? Я не медик. Я была просто помощником пекаря. Что, если он умрет от потери крови?

Еще один клинок погружен в место соединения крыла с телом. Вот почему крыло висело ниже другого, почему дракон не улетел после атаки.

Когда мои пальцы касаются рукоятки клинка, дракон рычит на меня, его глаза вспыхивают гневом. Мое сердце скачет, и я отступаю назад.

— Ты не сможешь летать, если он там.

Убедившись, что наши взгляды остаются связанными, мое движение медленное и обдуманное, я освобождаю клинок.

Дракон ревет и брыкается, сбрасывая со своей спины. Хрип вырывается из меня, когда тело ударяется о твердую землю. Боль расцветает сбоку на голове и распространяется по телу.

Временно запыхавшись от падения, моя грудь сжата. Тело требует воздуха. Я задыхаюсь и перекачиваюсь на спину. Несмотря на боль, могу оценить иронию ситуации.

В попытке помочь врагу, я причинила себе боль.

Дракон топает ко мне, нависает надо мной, его грозный облик блокирует все остальное в поле зрения.

Если этот зверь хочет убить меня, пусть будет так. Я заслуживаю этого, за то, что такая глупая. Какой смысл бороться, чтобы жить в этом мире, когда нет никого, кто бы меня хотел?

Его глаза как два факела, уничтожающие меня взглядом.

Холодный прием окутывает меня.

Я жду, что он заберет мою жизнь.

Но дракон отступает. Не только от меня, но в размерах. Его возвышающееся телосложение трансформируется и уменьшается в мужчину андрасари в первичной форме. Его золотые глаза мерцают, прежде чем закрыться и он опускается на пол.

Я спасена.

Не отдавая себе отчета о собственном передвижении, я сажусь и встаю на ноги. Я не знала, что плакала, вытираю слезы и колеблюсь, приближаясь к мужчине андрасари.

Я помогла ему настолько, насколько смогла, правильно? Я уверена, что теперь он может

исцелиться сам.

Я играла в азартную игру своей жизнью, и все же почему-то стала победителем.

Разве не глупо было бы сыграть ещё раз?

Иккон однажды сказал, что я больше всего должна бояться последствий эгоистичных действий и как они могут навредить другим. Что я должна помочь, когда это в моих силах, потому что отвернуться от кого-то в наихудший момент, вызывает непрекращающееся чувство вины в твоей груди.

И ты не захочешь жить с этим чувством, Сила. Это вызывает ужасное несварение!

Итак, я приближаюсь к склоненному андрасари и становлюсь на колени рядом с ним.

Тьма подкрадывается, когда вечер уступает ночи. Частица света от угасающего пожара исчезает.

Я не впервые вижу голого мужчину, моя одинокая неожиданная встреча с рабом фермера андрасари в сарае обеспечила это, но я никогда не видела такой очевидной силы, заключенной в тело, как это.

Его плоть - бронзовая, грудная клетка и плечи покрыты сетью золотых полукругов. Шрамы также помечают его плоть. Его живот имеет бороздку и определяется по возрасту физической активности, его плечи и бедра, мощные мышцы.

Я намеренно избегала смотреть на ту часть между его ног. Смущение заливает мое лицо и кончики ушей. Глубокая рана на левом плече закрыта, но воспаленно-красная на его бронзовой коже.

Схватив его за руки, я намеревалась повернуть его лицом, чтобы могла осмотреть раны на его спине, когда мой взгляд переместился на его лицо.

Любое оставшееся у меня дыхание исчезает от дыма.

Его глаза открыты, захватывая мои. В этот момент, как будто нас связывает больше, чем просто взгляд. Тепло сворачивается в моем животе как начало возбуждения. Удивление ненадолго мелькает в его глазах, пока его не заменяет ярость.

Я узнаю его лицо.

Я знаю, кто он.

Най Терон Висклауд, племянник Коной.

Он надзиратель Андрасары. Тот, кто обеспечивает порабощение и вечное страдание людей.

Моя первоначальная мысль - бежать, но ужас обездвиживает меня. Он вскочил на ноги одним плавным движением, оставляя меня на коленях перед ним. Его взгляд словно невидимая рука, приподнимает мой подбородок так, что мое внимание направлено исключительно на него.

— Ты была частью этой группы, человек? — Его голос шелковистый, глаза светятся ненавистью.

Я сглатываю, подготавливая слова.

— Нет. Я путешествую в одиночку.

Его янтарный взгляд сверлил меня и искал душу. Думаю, он видел меня такой, какая я есть, испуганный человек, который не представляет для него никакой угрозы, потому что он улыбается. Не тепло и дружелюбно, зловец в торжествующем изгибе губ.

— Если бы знала мою личность, помогла бы мне? — Когда я пытаюсь встать, он указывает на меня пальцами, удлинёнными в когти. — Оставайся на месте и ответь на вопрос.

Напряженная тишина висит между нами. Была ли я предателем людей, спасая жизнь нашего угнетателя? Когда Терон Висклауд ушел, восстание значительно усилилось.

Свобода от рабства больше не была далекой надеждой, а возможностью. Мужество бороться за положительные изменения превосходит страх перед последствиями.

Я сознательно уничтожила эту возможность?

Но я научилась ценить жизнь. Каждая жизнь имеет значение, это было убеждение Иккона, в какой-то степени, я тоже приняла его.

Не имело значения, что наши виды враждовали, Иккон взял меня в свой дом и вырастил, как свою дочь, когда я потеряла свою семью в детстве. На его примере, я всегда стремилась проявлять подобную доброту к другим.

Мой взгляд на уровне груди андрасари, я говорю мягко.

— Некоторые люди верят в духовное правило, именуемое... — для этого слова нет перевода в языке Рур, поэтому я говорю это на человеческом стандарте — ...карма. Это означает, что и хорошие, и плохие дела вознаграждаются, будь то в текущей жизни или в реинкарнации. Хорошие действия вознаграждают счастьем, а плохие действия вознаграждают страданием.

Тьма окутывает нас, как если бы мы были секретом, который должен быть скрыт. Лунный свет и последние блики огня все еще дают мне достаточно света, чтобы видеть его лицо.

Он остается молчаливым, черты лица неразборчивы.

— Я тоже верю в карму. Я бы все равно помогла, даже если бы знала, кто вы. Сохранение вашей жизни продлевает страдания людей в настоящем, но, возможно, это хорошее действие может привести к счастью моих людей в будущем.

Глава 3. Терон

Люди могут быть похожи на представителей расы Рур, когда мы находимся в нашей первичной форме, но они не имеют ничего общего с нами.

Они слабы и трусливы. Подлые. Я прочитал их книги, которые Афат конфисковал с их космического корабля несколько энур назад. В этих книгах их история, и она изобилует эгоизмом, жадностью и разрушением собственного рода.

Они не принадлежат этой планете, не говоря уже о моем родном регионе Андрасаре.

Великая Кахафура взяла жизнь моих каха и тоха, чтобы упрекнуть нас в присутствии этих чужеродных существ. Теперь мои родители мертвы. В возмездии за их смерть я не облегчил их страдания. Тем не менее, они продолжают выживать и увеличиваться в количестве.

Попав в засаду, устроенную группой людей, которые практически уничтожили меня, я нашел огромное удовлетворение уничтожив их.

Но на коленях передо мной - другой человек. Женщина с кожей цвета песка пустыни, ее волосы, растрепанные и вьющиеся, как лозы дерева, ее глаза темные, как ночь, окружающая нас, их глубины наполнены тревожной искренностью.

Она спасла мне жизнь. Смело подошла ко мне, в форме дракона. Рискуя своей безопасностью, чтобы удалить клинки из моего тела. Признает, что, несмотря на то, что я сделал с ее видом, она спасла бы мою жизнь снова, если бы представилась возможность.

Этот человек не слабый или трусливый или эгоистичный, а аномалия, которая противоречит моим устоявшимся убеждениям о ее виде. Но мой дракон жаждет соединиться с ней, утвердить, как мою пару, как мою асафуру. Половинку моего огня.

Это, должно быть, ошибка. Она не Рур. Как она может быть моей асафурой, если у нее нет огня внутри?

Но мой дракон настаивает, что она моя. В моем животе накапливается жар, растекается по венам, как лава, чем дальше я на нее смотрю. Я борюсь с возбуждением и требованием моего дракона, толкнуть на пол и взять ее.

— Ты глупая, — говорю я, разгневанный своими предательскими мыслями. — Пока я жив, твой никчемный вид никогда не обретет счастья.

Ее брови приблизились друг к другу, а глаза сузились.

— Ты глупец! Держась за ненависть к существам, которых считаешь низшими, становишься

слабее их.

Не буду терпеть ее оскорбление независимо от того, что мой дракон говорит, будто она моя. Я ринулся к ней, хватая спереди за рубашку. Она вынула клинок Руриум из-за пояса своих брюк и навела на меня. Ее глаза загорелись такой же яростью, которая живет во мне.

— Просто потому, что я спасла тебе жизнь и сказала все это дерьмо о карме, не означает, что я постесняюсь причинить тебе боль, неблагодарный ублюдок.

Я рассмеялся.

— Ты никогда не добьешься успеха. Я вырву твой дерзкий язык из головы, прежде чем заберу твою жизнь.

— Может быть, ты прав, но я готова попробовать.

Лезвие устремляется вперед, и я оттолкнул ее. Ее тело едва коснулось земли, прежде чем она встала на ноги, сбегая от меня, прячась за деревья.

Я преследую ее, несмотря на боль от моих травм, и хватаю, прежде чем она сможет уйти далеко. С яростным рычанием она борется со мной и ей удается дважды ударить мою руку краем лезвия.

Жалящая боль расплзлась там, где меня пронзил клинок, и я шиплю. Держа ее запястья, я прижал ее к стволу дерева и сжимал запястья, пока она не закричала. Окровавленный клинок, выскользнул из ее онемевших рук и с глухим стуком упал на землю, покрытую травой.

Прижимая ее спереди, я изо всех сил придавил ее, чтобы не дать ей ударить меня коленом или не вырваться. Яд, покрывавший клинок во время атаки на меня ранее, ослабил меня, но я все еще намного сильнее ее.

Запоздало, я понимаю, что это слишком интимное положение, чтоб быть с человеком. Особенно с тем, кого Кахафура неправильно выбрала, как мою истинную пару.

Ее тепло просачивается в мою плоть, и она задыхается от борьбы, ее грудь вздымается и опадает, касаясь моей. Огонь погас, но лунный свет смягчает темноту. Ее глаза сверкают от гнева и неприязни.

Наши лица близко.

Слишком близко.

Андрасари запрещено спать с человеком. Но это не является чем-то необычным, ведь некоторые нарушили это правило. Переспать с человеком неестественно. Я никогда не считал ни одного из них привлекательным, потому что сделать это, означало бы рассматривать их, как равных и достойных моего внимания.

И все же, эта человеческая женщина - исключение. Моя реакция - отрицание. Она пахнет лесом и слегка потом. Уникальный аромат каждого существа напоминает их индивидуальность, а ее нежный, но с нотками решительности.

Ее теплое дыхание обдувает мою кожу, заставляя меня, пялиться на ее губы. Чужой голос в моей голове шепчет вопрос, который беспокоит меня.

Какие ее губы на вкус?

— Почему бы тебе не покончить с этим уже? — требует она, что беспокоит меня еще больше, потому что она просит меня осуществить мои больные мысли о поцелуе.

Нет, она хочет, чтобы я ускорил ее смерть. Она изо всех сил пытается продемонстрировать бесстрашие, но запах ее страха наполняет воздух между нами. И только под этим страхом есть обрывки похоти.

Эта человеческая женщина хочет меня.

Желание взять ее, сорвать одежду, прижать лицо между ее ног и вдыхать, одолевает меня сильнее, чем раньше.

Я отпустил ее, как будто ее плоть стала обжигающей, как если бы прикосновение к ней,

было причиной этого нового демона обитающего в моем теле.

Мои крылья раскрываются за спиной, когда я меняюсь в своего дракона. Она остается там, где стоит, прижимаясь к стволу дерева, широко раскрыв глаза, рассматривая зверя перед ней.

Какой позор. Это ее единственный шанс: вырваться, спасти себя от моего гнева, убежать от меня. Она срывается, пытаясь спастись, но слишком поздно.

— Нет! — тревожно говорит она, когда я хватаю ее и взлетаю.

Она кричит. Ее бесполезные звуки умирают, когда мы поднимаемся над лесом, дрожь пронзает ее тело.

Она крепко прижимает мои когти к ее телу, как будто это помешает мне отпустить ее и позволить разбиться насмерть.

Несмотря на то, что ветер уносит ее мольбы о пощаде, я слышал ее просьбы, что бы я опустил ее вниз и отпустил. Я игнорирую ее.

Большинство Андрасари предпочитают летать, когда солнечная жара сильна. В теплое время года проводятся фестивали и празднования высоких температур, как благословение от Кахафуры. В Андрасари есть горы покрытые льдом, но мы редко переносим леденящую температуру. В отличие от региона, Сека, земля вечного льда и холода.

Я люблю летать ночью. Холодный ветер трепет крылья, прижимается к лицу и скользит вдоль чешуй. В ночное время тихо и спокойно, небо - нескончаемое пространство цвета индиго, которое пестрит огоньками.

Когда я был моложе, моя каха сказала, что эти небесные искры- души умерших близких. Они были сохранены Кахафурой, чтобы избавить нас от отчаяния потерять кого-то, кого вы любили.

Возможно, именно поэтому я предпочитаю летать ночью. Это мой единственный шанс быть ближе к ней и тоха после всех этих лет.

Сверкающий огнями город приближается к нам. В центре возвышается шпиль Андрака. Я поддерживаю высоту над отмеченной дорогой скоростных воздушных крейсеров, мое отражение будто тень по бокам стеклянных зданий.

Приземляясь во внутреннем дворе Андрека, я освобождаю человека и меняюсь в свою первичную форму. Стража приближается к нам с вопросительным видом, а человеческая женщина прижимается ко мне, прежде чем вспоминает, что я тоже враг.

Она отдаляется, плечи сгорблины, руки по сторонам от тела в оборонительной позиции. Ее расширенные глаза мечутся вокруг, в страхе.

— Почему я здесь?

Больше не в уединении темного леса, я могу полностью ее оценить. Она не одета, как должен быть зевьет, и ее шея лишена ошейника собственника. Как она удалила его без разрешения своего хозяина?

— Для того, чтобы быть заключенной в тюрьму за свои преступления.

— Какие преступления? — выплевывает она крича. Ее страх испаряется. Она - идеальный комок гнева.

— Вы отказались от своих обязанностей к вашему завьена и умышленно напали на члена службы Конай.

— Я не рабыня. У меня никогда не было хозяина, чтобы отказаться.

У нее никогда не было хозяина? Невозможно. Все люди являются либо собственностью Андрасары, либо работают, как рабы в независимости от способности служить Андрасару.

— Заберите ее в камеры, — приказываю я охранникам.

Я не получаю обычного удовлетворения от паники, искажающей черты лица человеческой женщины. Неприятное чувство пилит меня. Мой дракон оцетинился, когда охранники схватили

ее за руки.

Никто другой не должен прикасаться к ней, кроме меня.

— У меня не было хозяина, у меня был опекун, — говорит она, и слезы наполняют ее глаза, когда она борется с охранниками, тянущими ее. — И я не отказалась от него. Он был убит.

Глава 4. Терон

В тот момент, когда стража уводит женщину, напряжение в моем теле ослабевает, и мой разум проясняется.

Неприемлемо, сколько моего внимания поглотило ее присутствие. Когда стою во дворе, сомневаюсь в своем здравомыслии. О чем я думал, чтобы принести ее в Андрак.

Обвинения, которые я возложил на нее, наказываются смертью, которую я мог бы совершить в лесу без этой суеты.

Но если это правда, что она моя асафура, я не могу убить ее.

Так что же мне делать с ней? Я не хочу и не могу иметь человека, в качестве своей пары.

Отгоняя свои мысли от печального образа и ее прощальных слов, я направляюсь к себе домой.

Когда принимал душ, размышлял об атаке на меня. Раннее сегодня ко мне подошел человек, оповестив меня, что Ронан хотел встретиться в лесу, чтобы «обсудить личное дело». Однако Ронан не появился.

Вместо этого группа, вооруженная клинками руриум, покрытыми ядом, напала на меня. Людям не легко достать это оружие. Когда группа столкнулась со мной, они казалось, не удивились моему присутствию. Они атаковали меня, как солдаты, получивший приказ.

Приказ, отданный кем? Это, конечно, не был Ронан. Генерал Ронан Койа был, как семья для меня. Он был близким другом моего тоха и скорбел о его смерти, как брат. Годы боли и страданий, которые я вынес в детстве под рукой Афата, были бы хуже без защиты Ронана.

Кто-то хочет, чтобы я умер. Без сомнения, люди. Думаю, что они почти преуспели. Кажется, я принимал восстания слишком легко. Довольный знанием, что их глупые, беспорядочные восстания будут раздавлены каблуком силы Андрасары.

Возможно, они приобрели лидера. Разумного, с доступом к опасному оружию.

Мое видение размывается, когда я одеваюсь. У меня закружилась голова. Быстро моргая, я опускаюсь на кровать. Внезапная усталость превращает мои конечности в свинец. У меня было длинное изменение в форме дракона, и я не ел некоторое время. Мое тело все еще исцеляется от нападения и сражается с ядом.

Мои движения вялые, когда я прикасаюсь к маленькому металлическому кругу моего коммуникационного имплантата прямо за правым ухом.

— Терон, где ты был весь день? — спрашивает Эйин, как только ее голографическое изображение расцветает передо мной. Она хмурит брови, ее янтарные глаза наполнены беспокойством. — Ты выглядишь нездоровым.

— Яд, — говорю я. — Я в своей квартире.

— Я скоро буду там.

Эйин отключается, а я лежу на кровати, простыни охлаждают мою кожу.

Мои глаза смыкаются, а лицо человеческой женщины наполняет тьму за закрытыми веками. Я был готов сжечь ее живьем, как только, она вышла из укрытия. Ее храбрость, несмотря на очевидный ужас, заинтриговала меня. Она говорила со мной честно. Первая в своем роде, чтобы бросить мне вызов и дожить до следующего дня.

Как может такое динамичное присутствие заключаться в маленьком существе, как она? Существует давняя шутка, что юмор Кахафуры темный и наполнен невероятными ирониями.

Это больше не шутка. Не для меня.

Нахождение асафуры редкость и повод, который заслуживает празднования. Все же я не могу наслаждаться этим моментом, когда союз с человеком запрещен.

Дверь в мою жилую зону открывается и закрывается. Шаги Эйин идут к моей спальне. Я благодарен за отвлечение от мыслей о маленькой человеческой женщине...

— Ты уже мертв? — спрашивает она, ее голос тихий.

— Я в пределах досягаемости объятий богини.

Открыв глаза, я обнаружил, беспокойство скрывающееся в чертах лица Эйин.

Ее длинные, темные волосы, как обычно, стянуты в неряшливый пучок. Несколько прядей свободно висят на левой стороне лица, скрывая шрам.

Моя ракса красива, но она не верит в это. Она только и слышит шепот за спиной, что ее шрам уродлив. Поэтому прячется за волосами и работой в качестве медика в Андраке.

— Прекрати смотреть на меня так, — приказывает она, ерзая.

Ей не нравится, когда я смотрю на ее шрам. Она думает, что я смотрю на нее с жалостью. Это не жалость, это разочарование в себе, что я не смог защитить ее от жестокости Афата.

— Ты не должна скрывать это, Эйин, — говорю я, приподнимаясь. Я пытаюсь убрать волосы от ее лица, но она отбрасывает мою руку. — Ты должна позволить ему видеть это как напоминание о том, что он сделал.

— Но это напоминает только тебе, Терон. Ты знаешь у него нет раскаивающейся косточки в теле. — Она выкладывает свой набор медицинских принадлежностей на кровати рядом со мной. — Теперь достаточно об этом. Как тебя отравили?

Я снимаю рубашку и показываю ей заживающие травмы на спине.

Ее прикосновение нежное, когда она прослеживает болезненные места. Она не трогает старые шрамы, но я знаю, что она тоже смотрит на них.

— Это ножевые раны, — говорит она, ее голос резкий от гнева. — Кто сделал это с тобой?

Несколько секунд проходят, пока я решаю, насколько готов поделиться с ней. Эйин - одна из моих самых близких друзей. Когда наши родители умерли, казалось, что весь Андрасар повернулся против нас. Все, что у нас было, все, на что мы могли рассчитывать, были мы друг у друга.

Мы стараемся не скрывать ничего друг от друга, но есть вещи, которые видел и делал, о чем никогда не расскажу Эйин. Конечно, есть секреты, которые она никогда не делила со мной.

Некоторую правду лучше всего оставить невысказанной, если это означает защиту тех, кого ты любишь от опрометчивых решений.

Эйин - спокойное, разумное существо, но она склонна к преднамеренным действиям независимо от последствий.

У нее мстительный характер. Если я скажу Эйин, что атака на меня была преднамеренной, она не будет такой же терпеливой, как я, в поисках мести, независимо от ее взглядов на людей.

— На меня напали люди, когда я был в форме дракона.

Она хмурится, но не комментирует. Она генерирует переносной медицинский сканер, голубой свет освещает мою кожу, когда она меня осматривает.

— Яд замедляет процесс, но мышцы и кости почти полностью восстановлены, — говорит Эйин, глядя на экран сканера. — Кожа тоже исцеляется. К сожалению, я не думаю, что кровь перевертыша собирается защитить тебя от рубца на этот раз. — Откладывая сканер, она вручает мне контейнер. — Возьми. Скоро тебе это понадобится.

Извлекая шприц из своего набора, Эйин берет у меня кровь и проверяет ее. После считывания результатов она заполняет другой шприц прозрачным раствором.

Она протыкает мою плоть шприцом и тошнота наступает в тот момент, когда раствор

полностью введен. Я отхаркиваю содержимое желудка в контейнер, который она мне вручила.

— Неприятный побочный эффект противоядия, — говорит она с сочувствующей гримасой, когда хлопывает меня по плечу. Эйин протягивает мне тряпку, чтобы вытереть рот. Ее черты становятся серьезными, ее голос мягкий. — Была ли атака неспровоцированной Терон?

Я хмурился.

— Да.

— Ты говоришь правду?

— Это было не спровоцировано, — настаиваю я. — Я отправился в полет, а когда приземлился, попал в засаду группы из них. — Я пожал плечами. — Возможно, я напугал их или нарушил одну из их повстанческих встреч.

— Уголки ее рта опустились вниз в неодобрении.

— Ты убил их.

Это не вопрос. Она знает мои взгляды на людей. Но Эйин не разделяет мое убеждение, что люди не принадлежат Андрасару.

Она не винит их в кончине нашей семьи, как я. У нее есть абсурдная идея о том, что люди и существа рур могут жить вместе в мирной, равноправной гармонии.

Я предупредил ее, никогда не говорить эти мысли вслух, если она ценит свою жизнь.

— Конечно, я их убил, — говорю я. Мой хмурый вид усиливается, мой тон оборонительный. — Они пытались убить меня. Я должен был позволить им это? Ты предпочла бы, чтобы группа животных, убивших твоего брата, были живы и здоровы?

— Они не животные, Терон, — тихо говорит она, когда убирает свои медицинские принадлежности. Она смотрит на меня. — Вы. Все вы. Ты, Ронан и Афат.

Разочарование, сияющее в ее янтарном взгляде, похоже на одно из этих клинков руриум в моей груди. Приравнивать меня к Ронану, я не возражаю, но чтобы она приравнивала меня к Афату, только добавляет глубокое оскорбление к травме.

— Я не похож на Афата, — холодно говорю я. — Афат, ни Ронан, не пощадили бы жизнь человека, который причинил им вред, но я сделал.

Я излагаю рассказ о человеческой женщине, появляющейся и удаляющей клинки, наше разногласие, которое привело к короткой драке, и она ранила меня. Я не упоминаю, что она моя асафура.

Эйин хмурится.

— Она спасла тебе жизнь, а ты отплатил, заключив в тюрьму?

— Сохранение ее жизни, достаточная оплата.

— Ты превыше этого, Терон. — Она качает головой. — Ты можешь сделать больше, чем это.

Ее разочарование не утихает. Мне не нравится, что она заставляет меня чувствовать себя ребенком, который сделал что-то ужасное. Это не первый раз, когда мы расходимся во мнениях с моим отношением к людям, но что-то в этом случае беспокоит меня.

Я не хочу признаваться в этом ей или себе, но она права. Поскольку это раздражает, каждый вдох, который делаю отныне, любезность усилий человека. Заключение ее в тюрьму было бесчестным поступком.

— Мне больше нечего с ней делать, — говорю я. — У нее упрямый характер. Если я поставлю ее на работу в Андрак, она будет пытаться сбежать и будет убита, когда ее обнаружат.

Глаза Эйин светятся от волнения.

— Ну, так как она быстро помогла и достаточно умна, чтобы знать, что делать, она может не против остаться, если будет работать в лазарете. Я могу обучить ее, как моего помощника.

— Однозначно нет. Людям нельзя доверять, особенно в эти времена, когда они замышляют восстания против нас. Я не стану подвергать твою жизнь опасности.

— Если бы вы освободили их, рассматривая как равных, достойных уважения и прав, тогда им не понадобилось бы замышлять восстания. — Она поджимает губы. — Тебе не нужно всегда быть моим защитником, Терон. Я могу сама отлично справиться.

Нахмурившись, я не отвечаю на ее первое заявление.

— Я всегда буду твоим защитником, до тех пор, пока богиня дает мне дыхание. — Идея формируется, когда я надеваю рубашку. Мне не нравится это, но это временное решение, которое может принести пользу мне в борьбе с повстанцами. — Человек больше не будет сидеть в тюрьме. Я решил, что буду с ней делать.

Глава 5. Сила

После жизни в лесу тюрьма - отпуск.

В лесу у меня была постель на твердом, земляном полу или на грубом стволе дерева. Температура колебалась между знойной днем и холодной - ночью.

Пищу нужно было либо поймать, либо заставить подчиниться, или осторожно выбирать, в случае, если она была ядовита. Вода была редкостью.

Так же были существа, которые по виду, хотели моей смерти и преследовали меня с целенаправленной яростью. Насекомые, которые безжалостно кусали меня или пытались заползти в рот или под одежду, пока я спала.

Хуже всего была темнота. Безлунные ночи, окутавшие лес в настолько густой завесой мрака, что я не могла видеть свои пальцы, даже, когда держала их перед глазами.

С другой стороны, тюрьма - куб, пылающий светом. Три стороны толстого прозрачного стекла, четвертая сторона - армированный металл.

У меня есть стул, стол и миниатюрный туалет. Кровать невелика, но тонкий кусок пены на плите, возвышающейся над землей, превосходит приподнятый сучковатый корень дерева вместо подушки.

Они забрали мою сумку, в которой были часы, поэтому не знаю, сколько времени прошло. Я спала, беспокойно вздрагивая и ворочаясь, и теперь я больше устала, чем прежде. То, что я хотела - это душ, а не быстрый всплеск в реке.

То, чего я хотела бы больше всего - свободу.

Но стража за стеклом, с мертвыми глазами на гранитных лицах являлась доказательством того, что мои мечты и желания находятся за пределами моей досягаемости.

Поэтому я сижу за столом, скрестив руки, и жду.

Жду чего?

Часть меня все еще верит, что справедливость восторжествует. Меня посадили в тюрьму за преступления, которые я не совершала. Разве преступление причинить кому-то вред в целях самообороны? Я полагаю эти тонкости не имеют значения, из-за того, кто я и кого ранила. Человек, владеющий оружием против обычного Андрасари, страдал от сильных избиений.

Тем не менее, я нанесла удар Най Терону Висклауду. Если бы его отец не умер, когда он был слишком молод, чтобы принять власть, Терон был бы Коной Андрасары. Как принц, и надзиратель, он является важным и уважаемым существом в Андрасаре.

Что случится со мной за причинение боли кому-то вроде него?

Тревога захватила меня липкими пальцами, мои конечности онемели, и это заставляет меня нервничать. Поднявшись, я расхаживаю по комнате. Возмущение поднимается во мне волной едкой желчи.

Это так несправедливо. Я спасла жизнь этого ублюдка, и как он мне отплатил? В следующий раз, когда его увижу, сделаю больше, чем удар в руку. Моя атака будет безошибочна, так что я действительно заработаю свое место в этой тюрьме.

Как будто богиня услышала мое яростное обещание и решила проверить мою искренность, дверь, ведущая в тюремные камеры, раздвинулась, и Терон шагнул через нее.

Я, застыв на месте, наблюдаю за его приближением. Мое сердце тяжело стучит в груди и громко отдается в ушах с каждым шагом, который приближает его. Он стоит за стеклом, лицом прямо ко мне, и я не могу отвести взгляд от его пронзительных глаз, широких плеч, мощного торса.

Он надел черную куртку, которая подчеркивает широкие плечи и подходит к его фигуре, а также черные брюки и сапоги. Золотая булава в форме дракона, распахнувшего мощные крылья в полете, прикреплена к куртке поверх правой груди. Его челюсть - острые углы, смягченные напылением темных волос на его бронзовой коже.

В лучах света, окутавших его, его глаза ярко-золотые, он невероятно, бесспорно красив.

Возможно, именно это осознание выдавливает весь воздух из моих легких. Или, что он открыл дверь в мою тюремную камеру и вошел внутрь, его присутствие как вакуум, всасывает весь кислород?

Любые злые слова, готовые сорваться с кончика моего языка, покидают меня. Если бы я не чувствовала себя предателем за спасение его жизни, я, конечно же, сочла бы его привлекательным.

Он изучает меня, не говоря ни слова. Я ерзаю под его вопиющим взглядом. О чем он думает? Я сдерживаюсь от внезапного глупого побуждения поправить мои волосы. В лучшие времена, мои кудри были красивы и податливы, но иногда Иккон дразнил, что я ходячее птичье гнездо.

Наконец, он заговорил.

— Как тебя зовут, человек?

Я скрываю свое удивление. Большинство Андрасари не удосуживаются узнать имя человека.

— Сила.

— А имя твоего хозяина?

— Он не был моим...

— Когда я задаю тебе вопрос, я хочу, чтобы ты ответила на него. — Он продвигается, его глаза угрожающе вспыхивают. — Никогда не заставляй меня повторять или тебе не понравятся последствия.

— Иккон, — говорю я, сопротивляясь желанию возразить. — Он владел пекарней, и я была его помощником.

— До того дня, когда ты его убила.

Растущий гнев и боль заставляют меня отступить, словно избегая его ужасного обвинения.

— Он был всем, что у меня было. Я никогда бы не причинила ему вреда.

Его черты ожесточаются.

— Ты также была его любовницей?

— Нет, — говорю я, чувствуя отвращение от его вопроса. — Он был для меня как отец.

Мгновение он ничего не говорит, прежде чем продолжить свой допрос.

— Ты сообщила о его смерти?

— Я не могла. Меня преследовали напавшие на него, пока я не упала в болото, которое скрыло мой запах.

— Где ты жила после того, как бросила его?

Даже несмотря на то, что я знаю, что он умышленно пытается разозлить меня, его слова ранят, потому что они верны. Я должна была остаться, чтобы помочь Иккону, должна была проигнорировать его просьбу бежать, и вместо этого бороться, чтобы защитить его.

— Йоа.

— Ты была далеко от Йоа, когда мы встретились. Куда ты направлялась?

Не желая говорить ему правду, я колеблюсь.

— Город. Думаю, я прибыла к месту назначения благодаря тебе.

Большая ошибка. Я не знаю, как, но он знает, что я лгу. Он нарушает мое личное пространство, заставляя меня поспешно отступать. Край стола ударяет меня по бедру, но я игнорирую удары острой боли. Мое внимание захватывает этот мужчина андрасари.

— Ты знаешь, что я делаю, с лжецами, человек?

— Позволь угадать - убиваешь их?

Это действительно самое худшее время для сарказма, но слова выскользнули у меня изо рта, прежде чем я смогла их остановить. Мои глаза расширились в шоке, от того что я говорила с ним так, и удивление дублируется в его глазах, пока он не восстанавливается.

— Да, я убиваю их, — говорит он. — Ничто не удовлетворяет меня так же, как давать кому-то, кто говорит неправду, что они заслуживают. — Он наклоняется, его тепло согревает меня, голос ласкает, как будто он мой любовник, говорящий сладкие слова мне на ухо. — Сначала я начинаю с ног. Зачем лжецам твердо стоять, когда их слова построены на фальшивом фундаменте? Затем я вырываю их пальцы по одному. Лжец не должен использовать свои руки, чтобы совершить предательство. Я вырываю их язык, потому что справедливо - забрать их оружие. Их крики, когда мои когти погружаются в их грудь, это не только красивый звук, это превосходно.

Его слова имеют желаемый эффект. Я осмелилась перечить ему, но я не достаточно храбрая для этого монстра. Мое тело дрожит так же сильно, как и в момент первого столкновения с ним в форме дракона.

— Итак, я снова спрошу тебя, Сила, — он говорит мое имя, как будто это оскорбление, — и ты скажешь мне правду. Впредь ты всегда будешь говорить мне правду. Куда ты направлялась?

— Я собиралась в Тарро. — Я ненавижу себя, за то, что не могу посмотреть на него, когда говорю, как будто я слабый раб, который боится своего хозяина.

— Людям не разрешают покидать Андрасару. Ты была бы убита при попытке.

— Я все же собиралась попробовать. — Напряжение растекается по низу моего живота, когда я поднимаю взгляд от блестящего пола, чтобы посмотреть на него. Не зависимо от того, что это ощущение обозначает или символизирует, я не знаю и не хочу знать. — Я слышала, что существа рур в регионе Тарро принимают всех и никого не поработают. Я была готова рискнуть жизнью, чтобы увидеть, действительно ли такое место существует. — Я делаю паузу. — Вместо этого, я рискнула своей жизнью, чтобы спасти тебя.

Его суровая маска дает трещину на мимолетную секунду. Я бы пропустила это, если бы мой взгляд дрогнул немного. Мне бы хотелось думать, что минутный проблеск в его возвышающейся стене ненависти - был виной, но я думаю, если вы достаточно твердо смотрите на что-то, вы в конечном итоге будете видеть это, даже, если этого там нет.

Единственное, что я узнала наверняка, это то, что Терон Висклауд мастерски скрывает свои эмоции.

— Тогда ты будешь рада, я здесь, чтобы отплатить тебе за твои усилия.

Пораженная, я оживилась с надеждой.

— Ты собираешься меня освободить?

— Да, — говорит он, и мое сердце вздымается. Я не могу в это поверить. Он отпускает меня на свободу. Возможно, я недооценила его. Может быть, он не бессердечный ублюдок, в конце концов.

— Спасибо, — говорю я хриплым от облегчения голосом.

И затем он представляет серебряное металлическое кольцо. На его оболочке тусклый блеск

от огней над нами. Я распознаю, что это такое, когда он размыкает кольцо на части. Все облегчение, которое заставило мое сердце взлететь, исчезло.

Я погружаюсь в жестокую реальность. Впервые в моей жизни, ошейник завьет сжимается вокруг моего горла.

Золотые глаза Терона блестят с удовлетворением.

— Пожалуйста.

Глава 6. Сила

Терон освободил меня из тюрьмы только для того, чтобы снова посадить в тюрьму в качестве раба.

Но ненадолго.

Он приказывает мне следовать за ним, когда мы выходим из камеры. Как только мы проходим через двери тюрьмы в коридор, я убегаю.

В глубине души я не надеялась, что уйду далеко. Поэтому, конечно, я этого не делаю. С истинной верой, надежда человека становится реальной. Реальность, однако, награждает меня жгучим ударом ошейника.

Мои ноги подгибаются, и я падаю на пол. Слабое тепло распространяется через меня, и колющее ощущение проходит по моим рукам.

Терон приближается ко мне, черты его лица не отображают эмоций.

— Твой ошейник связан с моим коммуникационным имплантатом, — говорит он, нависая надо мной. — Я могу наказать тебя просто мыслью. Рад, что ты узнала о последствиях неподчинения мне заблаговременно.

Я использую стену для поддержки, чтобы встать. Моя неприязнь к нему возрастает.

— Если ты поступаешь так с тем, кто спас тебе жизнь, я в ужасе от мысли о том, что ты делаешь со своими врагами.

— Ты мой враг. Это религиозное руководство, которое вы называете кармой, применяется здесь. Я вознаграждаю твое плохое поведение страданиями.

Я свирепо смотрю на него.

— А если я буду хорошей, как ты наградишь меня?

Только после того, как слова повисли в тишине, я понимаю, что они звучат как неуместная инсинуация. Его ноздри раздуваются, как будто он тоже это понимает. Между нами не так много пространства, и тишина создает интимность, которой не должно быть.

Его взгляд опускается к моему рту и задерживается там, как будто в рассуждении. Я стою неподвижно, окаменев от шока. Вряд ли, его занимает эта мысль. Почему он хотел бы поцеловать меня после провозглашения меня своим врагом?

Почему я хочу, чтобы этот ублюдок поцеловал меня после того, что сделал?

— Жизнью в твоём теле, так чтобы ты могла продолжать служить мне.

Его взгляд тверже и холоднее, чем когда-либо прежде, его пальцы, как металлические полосы вокруг моей руки, когда он ведет меня вперед. Он отдергивает руку, как будто прикосновение ко мне смертельно для его здоровья, но тепло его прикосновения остается на моей коже.

Стены коридора неизменно серые без окон, а потолок низкий. Холодный воздух и затхлый запах завершают мрачность нашего окружения. Мы должно быть под землей.

Терон идет рядом со мной, его тело держится так прямо, я уверена, что задняя часть его головы идеально выстраивается в линию с его пятками. Он смотрит вперед постоянным сердитым взглядом.

— Куда ты меня ведешь?

Он не отвечает. Он не признает, что слышал мой вопрос. Типичный подход андрасари к человеку. Наши виды незначительны для них, и, следовательно наши голоса не услышаны.

Но независимо от последствий я не позволю ему так относиться ко мне.

— Я существую, — говорю я с горечью. — Ты можешь видеть меня и слышать, как я вижу и слышу тебя.

— Ты существуешь только, чтобы служить своему зевъена.

— Единственный хозяин, которому я когда-либо служила, - это я сама.

Я жду, что он оглушит меня, или будет угрожать мне смертью, или пройдет весь путь, и убьет меня, как и обещал, таким образом, как часто делает. Вместо этого он награждает меня неприятной улыбкой.

— Твоя сила духа замечательна, — говорит он. — Я почти сожалею о том, как быстро сломаю ее. Будем надеяться, что ты приложишь эту силу к своим обязанностям.

Молчание наступает между нами, и я позволяю ему задержаться. Нет никакой пользы, чтобы поговорить с ним. Стена сделанная из чистой стали руриум уступит быстрее, чем Терон Висклауд.

Попросить его увидеть меня как нечто выше грязи под его обувью, никогда не сработает. Тем не менее, это не остановит меня от попыток.

По крайней мере, пока я не выберусь отсюда.

Знак над парой черных дверей в конце коридора гласит, что это жилая зона для рабов.

Ну, это отвечает на мой предыдущий вопрос.

Терон останавливается перед дверьми, и я жду рядом с ним. Мне одновременно любопытно и неохотно видеть, что внутри. Затем, как если бы он передумал, он резко разворачивается и уходит налево в короткий коридор.

Я поспешно следую за ним в лифт, который он направляет на главный этаж.

Лифт объявляет о нашем прибытии, и двери открываются в свету рабочих Андрака.

Отполированное стекло, и блестящий хром окружают нас, потолок высокий и изогнутый. Андрак является резиденцией Конай и всех важных членов, которые служат правительству Андрасары.

Все кажется таким современным и прогрессивным по сравнению с причудливой деревней в Йоа, в которой я прожила двадцать два года.

Большинство слоняющихся людей, которых я вижу это Андрасари, одеты в разглаженную одежду, носят полированную обувь, и обладают видимостью образа жизни заботы и комфорта.

Остальные люди покрыты нелестными серыми металлическими ошейниками вокруг шеи. Некоторые носят простое платье с рукавами, которые достигают локтей, окаймленные снизу телячьей кожей и завязкой вокруг талии, удерживая концы платья, чтобы не распахнулись. Остальные носят комбинезоны без карманов.

Люди здесь не выглядят избитыми и измученными, как те, что я видела за пределами Андрака. По видимости, находиться в непосредственном рабстве у Конай имеет свои преимущества.

Взгляды некоторых андрасари следуют за мной, когда я иду за Тероном. Самосознание и смущение давит на плечи из-за моего внешнего вида. Лес не пощадил мою одежду, и я знаю, что выгляжу грязной и жалкой.

Смотри прямо перед собой, говорю я себе, для меня не имеет значения, что андрасари относятся ко мне с отвращением. Я не знаю этих людей, и мне все равно, что они думают обо мне. Поскольку многие из них верят, что все люди грязные и отвратительные, тогда я думаю, мой потрепанный вид укрепит эту веру.

Наконец, Терон приводит меня в лазарет. Белые стены и резкое освещение почти ослепляют,

и есть антисептический запах. За большим столом, расположенным возле входа, два существа андрасари, одетые в белые халаты.

Они оба приветствуют Терона, но только женщина встречает мой взгляд, когда мужчина хватается за планшет и спешит прочь.

Темные волосы девушки андрасари стянуты сзади в узел, хотя хорошая часть ее волос скрывает левую сторону ее лица. Она красивая, ее черты знакомы по какой-то причине. Когда я смотрю на ее имя, вшитое в ее халат, я знаю почему.

Эйин Висклауд. Сестра Терона и Най са Андрасары.

— Привет, — говорит она, улыбаясь. Она приветствует меня тем способом, как андрасари приветствуют свою ровню, прижимая руку к груди и опустив голову.

— Привет, — говорю, удивленно. Неловко, я приветствую ее таким же образом. Мне не нужно смотреть на Терона, чтобы понять, что он не одобряет. Его презрение исходит от него волнами.

— Я слышала, ты спасла моего раха, — говорит она, обойдя стол. Затем она делает что-то еще более удивительное, чем приветствие меня как друга. Она сжимает мои руки в своих. Ее золотые глаза наполнены настоящей эмоцией и благодарностью. — Спасибо.

Мои глаза расширяются, я молча киваю. Я никогда не хотела и не ожидала никакой благодарности за то, что сделала. Но близкие Терона счастливы, что он все еще стоит и способен на свой обычный террор.

Ее взгляд мелькает на мою шею, и губы сжимаются. Она переводит взгляд на Терона.

— Почему ты надел ошейник на нее?

— Она - человек, — говорит Терон, как будто только это объясняет. — Как я уже говорил тебе раньше, она рискнет сбежать.

— Тогда отпусти ее, — говорит она. Это сестра Терона? В это трудно поверить. Я всегда была уверена, что единственные члены семьи Висклауд, которые не ненавидели людей, были мертвы. Возможно, я ошиблась.

— Прекрати подрывать меня, Эйин, — раздраженно говорит он. — Продолжай работать. Мне нужно делать другие вещи вместо того, чтобы сопровождать человека.

Эйин хмурится, готова возразить, когда я говорю.

— Почему меня привезли в лазарет?

Ее хмурый взгляд смягчается, когда она смотрит на меня.

— Я бы хотела просканировать тебя, — говорит она. — Терон сказал, что ты упала, когда помогала удалить клинки. Я хочу убедиться, что ничего не сломано.

— Я в порядке. Мне больше не больно.

— Не повредит убедиться.

Несмотря на то, что она искренне дружелюбна, я не чувствую себя комфортно. Особенно с присутствием Терона, как темное облако, ограбившее свет комнаты.

Эйин касается меня, как кто-то, кто нашел потерянного, раненого детеныша животного. Я чувствую, так много. Никого, кого я люблю, нет в живых. Я одна на невероятно незнакомой и враждебной территории, среди незнакомцев, которые ненавидят меня, потому что я существую.

— Хорошо, — говорю я, смягчаясь. Это не так, как если бы у меня был настоящий выбор. Терон просто оглушит меня снова и потащит обследовать.

Эйин направляет меня в комнату с широким прямоугольным металлическим столом, установленным в центре.

Она инструктирует меня, как лежать на его поверхности и я молча делаю, как она просит. Поверхность стола светится синим, а Эйин извлекает планшет, нахмурился лоб от концентрации, когда всматривается в экран.

Устав смотреть в потолок, моя голова ложится на бок, и мой взгляд соединяется с Тероном.

Он не отводит взгляд и я тоже. Это тепло, которое я почувствовала в животе прошлой ночью, снова проявляется. Он высокий и сложен так порочно. Должно быть, его трудно не заметить даже в переполненной комнате. Буквально невозможно не заметить его сейчас, когда его взгляд удерживает мой.

В то же время, я задаюсь вопросом, были ли его раны полностью излечены, я напоминаю себе, что меня не должно это волновать. Этот ублюдок заключил меня в тюрьму, похитил, оглушил и поработил. Не обязательно в таком порядке, но эти истины должны быть на переднем плане моего мозга всякий раз, когда я смотрю на него. Идиотское притяжение действительно должно быть брошено на путь огненного дыхания драки.

Итак, я, наконец, отвернулась от него. После сканирования Эйин заставила меня сесть. Она переключает любопытный взгляд между мной и Тероном, прежде чем извлекает шприц и подходит ко мне.

— Прививка, — говорит она на мой подозрительный взгляд. — У нас с тобой нет чудотворной крови перевертышей, чтобы отгонять болезни.

Зная, что она неменяющееся существо рур, неспособное достичь формы дракона, делает ее менее опасной. Это не значит, что неменяющиеся существа рур менее опасны, чем их перевертыши коллеги. Они все еще быстрее и сильнее людей. Эйин может быть любезной, но я не сомневаюсь, что она может убить меня в мгновение ока, если по какой-то причине увидит во мне угрозу.

Она наклоняется вперед, чтобы ввести укол в мою руку. Волосы на стороне ее лица сдвигаются, открывая длинный рваный, неровный шрам на щеке под левым глазом.

Кто мог сделать это с ней?

После введения укола она нервно приводит в порядок волосы, чтобы снова скрыть лицо.

— Ты не должна скрывать это, — говорю я ей. Наверное, грубо комментировать ее шрам, но она была единственным дружелюбным лицом, которое я видела за долгое время. У меня побуждение, показать ей какую-то доброту в ответ. — Шрамы рассказывают интересную историю.

— История этого шрама вообще не интересна, — говорит она, когда помогает мне, слезть со стола. — Это скучная история о маленькой девочке, которая до сих пор не научилась держать рот закрытым.

— И это то, что человек не должен знать, потому что это не ее дело, — говорит Терон, приближаясь. — Ты здесь закончила?

— Да, — говорит Эйин, быстро бросив хмурый взгляд на Терона, прежде чем улыбнуться мне. — Ничего не сломано. Несколько синяков, но отдых вылечит это, и никакой напряженной деятельности.

Улыбнувшись ей в ответ, я чувствую себя немного менее безнадежно, касательно моей ситуации. Это все еще ужасно, но, зная, что Най са Андрасары, похоже, на моей стороне, дает мне надежду, что, может быть, я смогу найти выход из когтей Терона.

Терон и я покидаем лазарет и снова направляемся в один из лифтов. Но вместо того, чтобы направиться вниз, он касается кнопки на верхнем этаже.

— Я думала, ты отвезешь меня в жилую зону для рабов, — говорю я.

— Это то, где ты хотела бы быть? — спрашивает он, удивляя меня ответом.

— Ты точно знаешь, где я хочу быть, — говорю я, хмурясь на него. — Даже твоя собственная рахса думает, что я должна быть...

— Замолчи, — холодно говорит он. — С тех пор, как я встретил тебя, ты была ничем иным, как бельмом в глазу.

Молчание наступает между нами, когда лифт поднимается. Это ощущается странно, что такие драки, как Терон, нуждаются в этих механизмах. В форме дракона они не обладают гравитацией.

— Разумные люди не держат вещи или людей вокруг себя, которые раздражают их, — говорю я, не желая подчиняться его приказу. Очевидно, у меня есть желание смерти.

— Ты права. Они уничтожают их.

— Это еще один намек на мое убийство? Почему бы тебе просто не пойти и не сделать это?

— Потому что, поскольку ты пытаешься притвориться, что не боишься, смерти или меня, я знаю, ты боишься нас обоих, человек. У тебя упрямый дух. Наполненный такой сильной надеждой, что если ты перегнешь палку и дольше продержишься, то будет лучше для тебя. Придет спасение. — Его улыбка холодна, как и его голос. — Но это не так. Это никогда не осуществится.

Среди упрекающего тона, в его голосе горечь, которая утверждает, что он говорит из личного опыта. Что с ним случилось, чтобы заставить его придерживаться такого угнетающего взгляда на жизнь?

— Какой смысл жить без какой-либо надежды на лучшее? — спрашиваю я, но он возвращается к своему типичному поведению и отвечает холодным молчанием.

Лифт останавливается, двери раздвигаются, чтобы выпустить нас на балкон. Простирающийся внизу, ошеломляющий вид на город Андрасар. Я останавливаюсь, чтобы полюбоваться разнообразной высотой зданий, и усеянной растительностью среди стеклянных зданий.

Однако голос Терона вторгается в мою оценку.

— Перестаньте волочить ноги и пойдём.

— Это первый раз, когда я вижу город.

— Сегодня день открытий для тебя.

— Больше плохих, чем хороших, — бормочу я.

Он игнорирует меня и ведет к двери, которую открывает своей ладонью против полупрозрачного круга. Мы входим в комнату, в которой преобладают мужские цвета. Здесь не так много личности, за исключением современной и дорогой мебели, но нет никаких сомнений в том, что это место кого-то богатого и важного.

— Это твоя комната, ты живешь здесь?

— Да.

Терон открывает еще одну дверь, которая находится на правой стене, ведущей к выходу. Он указывает, чтобы я шла впереди него. Я стесняюсь, но мое любопытство и его сердитый взгляд ведут меня вперед.

Это крошечное помещение со столь скудными атрибутами напоминает тюремную камеру. По крайней мере, узкая кровать выглядит комфортной.

— А это, — говорит Терон, прежде чем я смогу что-то сказать, — это то место, где ты останешься, пока служишь мне, как моя зевьет.

Глава 7. Терон

Вопреки моим ожиданиям, человеческая женщина бороться со мной не стала.

Не делая никаких комментариев по этому поводу, она просто молча смотрит на меня с неприязнью. Несмотря на это, я все еще нахожу ее красивой.

— Вымойся и избавься от этого тряпья, которое ты носишь, — раздраженный предательскими мыслями в голове, приказываю ей резким тоном и указываю на дверь, ведущую в ванну, а затем сложенную одежду, мой другой раб принес ее для нее. — Надень это и жди меня

снаружи.

Не желая быть с ней и удобной кроватью рядом с нами, заманивающей меня совершить ужасную ошибку, я ушел, не дожидаясь ее ответа.

Сидя за столом в главной комнате, пытаюсь сосредоточиться, но все мои мысли крутятся вокруг обнаженной женщины, находящейся в ванной рядом. «Она человек», - напоминаю я себе. Не имеет значения, насколько сильно мой дракон настаивает на том, что она моя. Я не пойду против своих убеждений, только ради того, чтобы спариться и наслаждаться ею.

Чтобы отвлечься от навязчивых мыслей, я с головой ушел в работу. До тех пор, пока существует время, существует и работа. Как надзиратель, я принимаю решения и предложения по чтению и согласованию, урегулированию споров, передаче посланий. Многие из моих обязанностей должен выполнять Афат, но он возложил их на меня, пока сам бездельничал, наслаждаясь плодами моих трудов, будучи Коной.

Но я не жалею на чрезмерную загруженность. Мне нравится это. Когда мой отец был Коной, он рассказывал мне о его мечтах, о том, каким бы он хотел видеть этот великий регион.

Я многого не понимал в то время. Будучи ребенком лишь удивлялся, что мой отец был самым великим существом во всей Андрасаре. Теперь я понимаю. Он очень любил этот мир. Моя мама шутила, что Андрасар был второй парой моего отца.

Я нахмурился, анализируя время, которое прошло с тех пор, как оставил мою новую рабыню купаться. Как долго эти существа очищают себя?

Она замышляет способы побега.

Некоторые люди так же умны, как и коварны. Необходимо выяснить, что она предпримет, когда выйдет из комнаты.

Услышав легкую поступь девушки, я оглянулся. Она нерешительно подошла ко мне. Теперь, когда ее кожа сияла чистотой, она стала еще красивее. Лохмотья, которые она носила, заменены рабским одеянием, оставленным мной.

Ее непослушные кудри заплетены в длинную косу. Я поражен, что ей удалось подчинить их. Мне больше нравилось, когда ее красивые длинные локоны свободно струились по спине. Они должны быть свободными, чтобы я мог ласкать их, наматывать на руку, пока наклоняю ее над своим столом и заставлю, кончая, кричать мое имя.

— Почему так долго? — спрашиваю, не скрывая раздражения. — Не люблю ждать дольше, чем это необходимо, человек.

Восхищаюсь ею, не заметив ни капли раскаяния на ее красивом лице, но также и раздражаюсь. Она намеренно непослушна, несмотря на то, что прекрасно осознает, как легко я могу уничтожить ее, если захочу.

— Гнев твоя единственная эмоциональная установка? — спрашивает она. — Это, должно быть, утомляет.

— Что утомительно - это иметь неуважительного раба.

— Я не раб.

— Ты теперь моя.

Она открывает рот, а затем закрывает, глядя на меня. Очевидно, у нее было что-то еще более неуважительное, чтобы сказать, но решила не говорить этого.

Умная девочка.

Девушка ненадолго закрывает глаза и делает глубокий вдох, как будто призывала из какого-то скрытого источника внутренние силы.

— Я сожалею, что так долго. Я не намеренно не подчиняюсь тебе, — говорит она. — Это новые условия для меня. Пожалуйста, будь терпелив со мной, пока осваиваюсь.

Она, кажется, искренней, и это меня беспокоит. Мне не нравится чувство, которое

испытываю к ней. Люди всегда были невидимы для меня, как мебель. Они существуют, чтобы подчиняться, в этом их предназначение. Ничего более.

Этот человек ... Сила другая.

Я существую. Ты можешь видеть меня и слышать.

Словно все мое окружение всегда было лишь черно-белым, но вот она, яркое цветное пятно, очаровывающее меня.

— Завтра мы посетим горнодобывающий завод в провинции Вак. Сообщили о восстаниях среди рабочих.

Все это спокойствие и искренность, которые она изображала, исчезло. Она смотрит на меня с недоверием.

— Ты собираешься их убить?

— Они заслуживают наказание за неподчинение, но я не буду убивать их, пока они не вынудят меня, — говорю я. — Я позволю тебе, человек, поговорить с ними. Скажи им, что гораздо более разумно помнить свое место.

— Как рабы? — горько спрашивает она.

— Что же еще?

— Это только усилит их потребность бунтовать. В конце концов, им каждый день напоминают, кем они для вас являются.

— Очевидно, они забыли, если думают, что у них есть сила, чтобы восстать против их завьена.

Сила расстроено покачала головой.

— Они бунтуют, не потому, что считают, что у них есть силы, чтобы бросить вызов вам. Они бунтуют, потому что у них нет сил ни на что, кроме воли к борьбе.

— Воля не равносильна способности. Одна воля не выигрывает борьбу.

— Иногда, может, — говорит она, пожав плечами. — Если вы можете принять несколько ударов от своего противника, но есть стойкость, пережить его, кто тогда победитель?

— Ты сторонник мятежа, человек?

— Если бы была, то не была бы настолько глупа, чтобы сказать тебе то, что сказала — говорит она. — Я не поддерживаю боевые действия, будь то люди против андрасари или андрасари против людей. Наши разногласия можно решить без кровопролития.

— Все же ты дважды ударила меня кинжалом в руку.

— В целях самообороны после того, как ты угрожал убить меня и преследовал, когда я пыталась сбежать.

По крайней мере, у нее есть обаяние, чтобы выглядеть раскаивающейся, но желанных слов извинения я так и не услышал. Правда, я тоже не хочу его.

Заинтригованный ее мышлением, я расположен продолжать разговор. Однако есть и другие вопросы, которым я должен уделить внимание.

Я передаю ей планшет с речью, которую хочу, чтобы она завтра прочла на горнодобывающем заводе. На лбу Силы появились морщинки, когда она нахмурившись посмотрела на экран планшета.

— Ты можешь читать?

Она резко поднимает взгляд от планшета.

— Быть человеком не является синонимом безграмотности.

— Я спросил не потому, что ты человек, — меня забавляет ее обиженный взгляд. — Ты из Йоа, родина необразованных.

— Иккон серьезно относился к моему образованию и нагружал любыми книгами, которые мог найти. — На ее лице тоскующий взгляд. Она снова опустила взгляд на экран планшета,

прежде чем взглянуть на меня. — Может быть, было бы лучше, если бы речь была на человеческом языке, а не языке рур?

— Тогда перепиши ее, — говорю я, удивляя нас обоих.

— Спасибо, — говорит она тихо, когда я встаю, готовясь уйти. — Спасибо за то, что пытаешься избежать бессмысленной гибели людей.

Меня захватил ее взгляд. В лазарете я понял, что ее глаза не черные, как предполагал прошлой ночью, а темно-коричневые, как земля после сильного ливня. Ее губы, пухлые и темно-розовые, не улыбочивые, но не менее заманчивы, чем когда она спрашивала меня раньше, чем я вознагражу ее за хорошее поведение.

— Не принимай мое практическое решение за какое-то изменение в отношении свободы для людей. Этого никогда не произойдет. Горнодобывающий завод в Ваке производит значительное количество обработанной стали руриум, следовательно, приносит пользу Андрасару. Убийство группы людей потребует утомительного процесса найма новых работников. Новые работники затаят обиду за судьбу тех, кто был до них, и цикл будет только повторяться.

Она хмурится.

— Я понимаю.

Я иду к двери, затем поворачиваюсь и смотрю на нее.

— Не пытайся убежать, пока меня нет. Тебе не удастся, а я накажу тебя за попытку.

Сила нахмурилась, глядя на меня изподлобья. Она пробормотала оскорбление, которое я прекрасно расслышал, и за которое должен был бы развернуться и наказать, но продолжаю идти к двери и вниз в офис Ронана.

В кабинете я нашел Ронана, стоящим лицом к одному из больших окон, выходящих во внутренний двор. Он, прочно сложенный самец, среднего роста с посветлевшими до серебра волосами.

Его плечи часто выпрямлены, как будто в любую минуту ему может понадобиться сражаться с противником. Полагаю, для того, кто посвятил всю свою жизнь борьбе за соблюдение закона в Андрасаре, он не знает, как отключить необходимость в постоянной бдительности.

— Терон, Эйин рассказала мне о нападении, — приветствует Ронан, когда видит меня. — Рад видеть тебя живым и здоровым.

Я присоединяюсь к нему, вставая возле окна.

— Я не рассказывал Эйин всю историю, потому что не хотел ее встревожить. Меня привел в ловушку зевъет Андрака, заявив, что ты хотел поговорить со мной в частном месте.

— Это вряд ли звучит как то, что я сделал бы, — говорит Ронан, холодно. — Я бы поговорил с тобой через имплантат.

— Оглядываясь назад, глупо было верить человеку, но он поспешил прочь так быстро, что я был вынужден следовать его указаниям.

Золотые глаза Ронана блестят от неодобрения.

— Никогда не доверяй людям, Терон. Эти бесполезные кретины лгут на каждом шагу. — Его губы сложены в жесткую, сердитую линию, глаза горят от ярости. — Ни один из них не заслуживает воздуха, которым мы позволяем им дышать.

— Причина, по которой я пришел вам рассказать, — это то, что люди атаковали меня клинками руриум, необычное оружие для людей, — говорю я, прежде чем он может начать свои обычные многоречивые разглагольствования о ненависти к людям. — Я хочу, чтобы вы возбудили расследование, и начали с тех, кто находился в Андраке. Среди нас может быть предатель, и я намерен выяснить, кто.

Глава 8. Терон

Я всегда жил один, довольствуясь уединением.

Единственная, кому я позволяю нарушать мое спокойствие и уединение, - это Эйин, приходящей рассказать, как прошел день, об открытиях, связанных с ее работой. Все женщины, которые были у меня в доме, обычно вскоре покидали его, после того, как мы использовали друг друга.

Но Сила здесь, чтобы остаться. И то до тех пор, пока она служит своей цели. Я бы предпочел, чтобы она скрылась из виду и, следовательно, из моих мыслей, но она бродит по моей квартире, исследуя и рассматривая то одно, то другое, создавая лишние шумы, которые отвлекают меня от работы.

Ладно, у меня есть офис, который я могу использовать и изолировать себя от Силы и ее присутствия. Я говорю себе, что не использую его, потому что нужно следить за ней и убедиться, что она не сделает ничего глупого, вроде попытки бегства.

Но кому я лгу? Правда в том, что мне нравится наблюдать за ней.

Как сейчас, когда я сижу за столом, притворяясь, что работаю. Вместо этого наблюдаю, как она готовит мне завтрак. В моей квартире нет стены, отделяющей кухню от главной комнаты, поэтому слежу за ней непрерывно.

Сегодня ее второй день, в качестве моего раба, и очевидно, что многие приборы не знакомы ей. Она действительно йокель, если из сельской, захолустной провинции Йоа.

Сила знает, что я наблюдаю за ней. Ее движения слишком механические. Я не раз ловил ее взгляд на себе, прежде чем она быстро отводила взгляд. Каждый раз, когда она это делает, ее плечи сутуляются, а тело напрягается, словно стремясь защитить себя.

Как будто боится меня.

Она должна.

Через некоторое время поднос, с приготовленным для меня завтраком, оказывается предо мной на столе. То, что она приготовила, выглядит аппетитно и вкусно пахнет, но я не притрагиваюсь к блюду.

Еда, которую я ел до прибытия Силы и до прошлой ночи, была приготовлена поварами андрасари. Я никогда не смел есть из рук человека.

— Тебе не нравится это? — спрашивает она.

— Я еще не попробовал, чтобы судить.

— Думаешь, отравила ее, не так ли?

— Это так?

— Конечно, нет! — огрызается она. Сила прикусывает губу в испуге. Замедлив дыхание, смягчает голос. — Ты все время наблюдал за мной.

— Люди скрытны, когда у них есть злые намерения.

— Любой может быть скрытным, когда замысливает что-то недоброе. — Она качает головой. — Какой смысл иметь меня в качестве зевъет? Ты мне не доверяешь, а я не хочу быть здесь.

Этот вопрос, я задавал себе уже несколько раз, но не нашел ответа, который бы меня удовлетворил. Я сказал себе, что она может быть полезна в моей борьбе против восстаний, но есть много других людей, которые могут выполнить эту работу, не находясь в такой близости ко мне.

Настоящий ответ: она моя асафура, и нравится ли мне это, и хочу ли принять это, я не могу отпустить ее.

— Ты полезна, вот почему ты здесь. — Я указываю на планшет. — Я заметил, ты внесла изменения в речь. Хотя большинство из них сносны, я избавился от других ненужных дополнений.

Она поджимает губы.

— Я не знала, что ты умеешь читать на языке людей.

— Я был бы глуп, не выучив язык моего врага, если должен победить их.

— В книгах по истории хвалят твою эффективную тиранию, зевъена, — говорит она, ее тон пронизан сарказмом.

Я нахмурился.

— Еще раз посмеешь говорить со мной в таком тоне, и я напомню тебе о назначении этого ошейника вокруг твоей шеи и о том, насколько я могу быть тираном.

Она смотрит свирепо.

— Что-нибудь еще от меня требуется?

— Поешь что-нибудь, — говорю я ей, когда начинаю жевать то, что она приготовила для меня. К моему удивлению, это очень вкусно. — Мы скоро уезжаем, а дорога в Вак, отнюдь, не близкая.

Она бросает на меня странный взгляд, но ничего не говорит, когда возвращается на кухню и возиться там.

Вскоре мы уезжаем и отправляемся в крейсерный авиационный порт Андрака. Воздушные крейсера - слабая имитация летного путешествия, часто используемая лишь неменяющимися или пожилыми андрасари, которые не могут долго сохранять форму дракона.

Но я не могу измениться в дракона для поездки, поскольку беру с собой Силу. Когда мы поднимаемся на воздушный крейсер, вся ее холодность от нашей предыдущей беседы рассеивается, заменяясь интересом и волнением.

От волнения или страха ее пальцы впиваются по бокам сидения, когда мы взлетаем, и расслабляются только после того, как Сила привыкает к скорости. Она смотрит сквозь прозрачный стеклянный капот крейсера на Андрасар-сити под нами.

— Вследствие горной промышленности люди сейчас на Рур, — говорит она неожиданно. — Чрезмерная добыча ради продвижения. Это привело к утечке радиации, которая убила миллионы, прежде чем моим предкам удалось скрыться.

Я чувствую, какой-то урок в ее нравоучительном тоне.

— Какова цель этого рассказа?

Она отворачивается от развернувшегося вида снаружи, чтобы наградить меня натянутой улыбкой.

— Андрасаре следует надеяться, что история не повторится с ними. Что их стремление к быстрому развитию не ведет к разрушению их земли и Рур в целом. Надеюсь, они не будут вынуждены переселиться на другую планету, где его обитатели могли жестоко обращаться с ними.

— Ты можешь быть спокойна, история не повторится. Существа Рур гораздо сильнее, чем люди могут надеяться когда-либо стать.

Тем не менее, ее слова огорчают меня, потому что в них есть доля правды.

Образ жизни Рур всегда заключался в том, чтобы никогда не брать больше того, что дала нам Кахафура. Мы не разрушаем наши земли. Но когда Афат стал Конаем, все, к чему он стремился, было богатством, и он нашел его в густых рурийских источниках, заполняющих Андрасар.

Драгоценный металл добывают в больших количествах и продают в соседние регионы. Некоторые из наших красивых лесов уже уничтожены, земля выдолблена. Сообщается, что воды вблизи некоторых участков горной промышленности отравлены опасными химическими веществами из-за небезопасных методов добычи.

Реализация более безопасных методов добычи была тяжелой битвой из-за сопротивления

некоторых горнодобывающих компаний к изменениям. Тем не менее, угрозы крупных финансовых штрафов и длительное тюремное заключение часто работают для обеспечения их уступчивости.

Мы путешествуем остаток пути в тишине. Когда мы прибыли на рудник, он кипит деятельностью. В середине утра солнце награждает нас приятным теплом, а воздух едким запахом из шахт.

Управляющий горнодобывающего участка подходит к нам, как только мы выходим из крейсера. Он бросает презрительный взгляд на Силу, прежде чем приветствует меня глупой улыбкой и ярким проявлением уважения, что раздражает меня.

— Най Терон, это честь принимать вас у нас этим прекрасным утром, — говорит он. - Я соберу людей, чтобы немедленно услышать вашу речь.

— Я не буду говорить сегодня, — говорю я. — Моя зевьет будет голосом. Надеюсь, они прислушаются к убеждению своего собственного вида.

Он решительно кивает.

— Мудрое решение. А если все остальное не получится, тогда у нас не будет выбора, кроме как убить их всех.

Сила напрягается, услышав это. Она открыла рот, собираясь высказать управляющему свое недовольство и вызвать проблемы для себя, поэтому я приказываю управляющему участка привести нас туда, где она прочтет речь.

Земля на участке, где мы идем, довольно неровная и хлюпает красной грязью под нашими ногами. Когда Сила теряет равновесие, я немедленно хватаю ее, поймав за талию. Как же хорошо ощущать ее податливое тело, рядом с моим. Слишком хорошо. Я удерживаю ее на несколько секунд дольше, чем нужно. Она смотрит на меня, когда тихо бормочет спасибо, ее темно-карие глаза - поводок на мою душу.

И я жестко боборюсь с искушением уложить ее на красную от пыли и грязи землю и впиваться поцелуем в ее мягкие податливые губы, пока она не ударит меня в грудь, чтобы ухватить воздуха настолько сильно, что я немного притянул ее ближе, готовясь сделать это.

— Смотри под ноги, чтобы не упасть лицом, — осадил я ее резко, когда пришел в себя и вспомнил, где мы. Из-за того, как она влияет на меня, я резко отпускаю ее и отталкиваю своими словами, в надежде оттолкнуть чувства и мысли, которые она вдохновляет во мне. — Я не буду помогать тебе снова.

— Да, зевьена, — холодно говорит она, отводя взгляд от меня.

Пока управляющий участка произносит распоряжение для людей, чтобы собирались рядом с ним, импровизированный подиум уже сооружен. Люди собираются перед нами, их кожа и одежда покрыты красной пылью. Их выражения варьируются от открытой враждебности к апатии, и я уже подозреваю, что речь не изменит их мысли о недовольстве и неповиновении.

Возле меня Сила явно борется, чтобы подавить свой страх. Странно, что человек, столкнувшийся с драконом в несколько раз больше ее размера, теперь дрожит перед толпой своих людей.

— Убеди их, или им придется погибнуть, — напоминаю ей, когда вручаю планшет. Она молча кивает и берет планшет дрожащими руками.

Расправив плечи, Сила начинает читать речь. Ее голос четкий и ровный, передавая послание об Андрасарском могуществе и последствия для тех, кто бросит вызов глупыми представлениями о восстаниях.

На полпути, одинокий голос выкрикивает слово на Человеческом языке.

— Предатель!

Сила спотыкается о слова и кидает обеспокоенный взгляд на меня, но продвигается вперед.

Больше голосов начинают кричать ей «предатель». Она прервала свою речь.

— Я не предатель, — сердито говорит она. Управляющий участка смотрит на меня, как будто ожидая моего приказа, наказать людей, но я качаю головой. Я хочу посмотреть, как Сила попытается разрулить ситуацию, прежде чем мы вмешаемся. — Я пытаюсь предотвратить ненужные войны.

— Они уже забрали все, что у нас было, — кричит человек возле передней части толпы, его шея вздулась от ярости. — Борьба - все, что у нас осталось!

— У вас еще есть жизнь, — говорит Сила. — Есть другие способы, добиться изменений, кроме убийства.

Толпа стала беспокоиться. Больше голосов начали кричать, когда люди становятся злее с каждой секундой. Толстый кусок металла вылетает из середины толпы прямо в Силу.

Я отталкиваю ее от опасности, заслоняя, так что металл ударяет меня. Какофония сердитых криков вспыхивает, когда управляющий приказывает страже андрасари усмирить толпу.

Гнев поднимается во мне, мой дракон оцетинился от ярости. Не из-за боли от того, где металл ударил меня, а потому, что эти люди намеревались нанести вред Силе.

Бунт вспыхивает, и я освобождаю Силу. Моя одежда разрывается в клочья, когда тело превращается в форму дракона. Я убью их. Сожгу их всех. Было великой глупостью решить, что они будут слушать что-нибудь еще, кроме огня, сжигающего их заживо.

Я издаю рев, огонь горит в моем чреве. Все, даже другие андрасари, замерли и затихли.

Сквозь гневный рев я услышал мягкий голос, зовущий меня по имени.

— Пожалуйста, не убивай их, Терон, — умоляет Сила. — Пожалуйста.

Все внутри меня говорит, что я должен игнорировать ее просьбу, пощадить жизни людей. Они заслуживают не меньше, чем смерть от огня. Но взгляд в ее глазах говорит, что если я сделаю это, если убью их, она никогда не простит меня за это.

Меня не должно волновать, будет ли у меня ее прощение или нет. Меня не должно волновать, что она думает обо мне. Я ее хозяин, и она мой раб. Я - монстр, и она - наивное, невинное существо, которое каким-то образом забрело в мои лапы.

Но взгляд в ее глазах, заставил меня пощадить ее жизнь после того, как она спасла мою. Как будто она отказалась от надежды. В чем? Не знаю. Но мне не нравится это. Насколько я согласен со своим внутренним зверем, мне не нравится, что я тот, который заставляет ее чувствовать себя таким образом.

Так что я отступаю к своей основной форме. Сжимая руку на ее руке, я безмолвно направляю ее обратно к воздушному крейсеру.

Глава 9. Сила

Двадцать шесть детар прошло с тех пор как я стала пленницей дракона.

Время прошло так быстро, не могу поверить, что это было так давно. Более того, не могу поверить, что за это время я не нашла выход.

Хотя, если быть честной, не искала его, как планировала. Как должна. В такие моменты, когда я одна, окутана темнотой в моей комнате, вынуждена слушать слова этих людей с горного завода, в своей голове снова и снова.

Предатель. Предатель.

У меня был шанс покончить с этим. Или, по крайней мере, сделать борьбу людей намного легче, чтобы достичь нашей свободы. Я этого не сделала. Не в первый раз, я думаю о моих действиях. Если бы я позволила Терону умереть, я была бы свободна в этот момент и не была бы его рабыней.

У меня было несколько шансов забрать его жизнь, но я этого не сделала. Даже не хочу

пытаться.

Вместо этого продолжаю свое предательское поведение, увлеченная им. Вспоминаю ощущение его рук на мне, когда он спас меня от нападения на горном заводе. Дав себе глупую надежду, что смогу достучаться до него, потому что он послушал меня, когда я умоляла не убивать людей.

Он этого не сделал, ни потому что ты попросила, а потому что от этого было бы больше неприятностей, чем того стоило.

За время, что я узнала Терона - поняла, что он не из тех, кто делает бессмысленные решения или действия. Он был воспитан, ненавидеть людей. Он не пощадил их жизни, потому что у него внезапно появилась совесть.

Я сползаю с постели и встаю.

— Включить свет, — говорю я. Миниатюрная комната заливается светом.

Когда я надеваю чистую одежду, задаюсь вопросом, не потому ли я не сбежала. Я животное? Продала ли я свою свободу за ошейник, потому что это означает крышу над головой, мягкую кровать и еду в животе?

Если бы я все еще была свободна, до сих пор жила бы в лесу, по прежнему на грани голода или обезвоживания, борясь не только против природы, но страха обнаружения другими драконами андрасари, которые, возможно, не были бы так любезны со мной, как Терон.

Предатель!

Голос громче, чем когда-либо, но я заглушаю его, когда готовлюсь к ещё одному дню в качестве слуги моего врага.

Несмотря на то, что уже утро, еще темно. Мне нравится вставать рано, так как это была привычка, которую я приобрела, когда работала с Икконом в пекарне. Мы поднимались раньше солнца и делали так много выпечки, чтобы все было свежее для наших клиентов.

В пекарне часто так много работы. Здесь, в Андрাকে, у меня больше свободного времени, чем нужно, в качестве рабыни Терона. Я всего лишь экономка, попавшая в уже безупречный дом.

Максимум, что делаю - готовлю еду, которую он ест без единого звука благодарности. Не то, чтобы это меня раздражало, или что ожидала иного. Если бы я затаила дыхание в ожидании благодарности от Терона - умерла бы от недостатка кислорода.

Иногда он дает мне разные задачи, связанные с его работой, но ничего из этого не содержит важную информацию.

Думаю, это еще одна область, где я терплю неудачу для своих людей. Будучи рабом надзирателя Андрасары, я нахожусь в идеальном положении, чтобы собрать информацию, которая может помочь в восстании. Ещё одна вещь, которую я не делаю.

Также не могу, потому что Терон, обязательно держит двери в спальню и в офис закрытыми.

У него есть впечатляющая библиотека и консоль. К моему удивлению, он позволяет мне пользоваться обоими, поэтому я трачу большую часть своего времени, читая или просматривая шоу.

У него значительная коллекция редких и старых книг. Даже книги, которые находились во владении первого поколения людей, ступивших на Рур.

Иногда я не чувствую себя здесь заключенной. Иногда даже забываю, что вокруг моего горла есть металлическое кольцо, делающее меня собственностью другого существа.

Неизбежно, Терон снова напоминает мне. Как будто также напоминает и себе.

Я только что закончила готовить завтрак, когда слышу звук его приближающихся шагов.

Мой разум тут же заполнен им. Я в этом чужом месте, которое имеет отношение к Терону. Часть меня возмущена тем, кто он и что сделал, пока другая часть замечает ширину его плеч в пиджаке, глубину его голоса, когда говорит, его чистый аромат, когда я рядом с ним.

Между нами есть нечто, похожее на химию, на тягу. Что-то мощное, что утолщает воздух, когда мы находимся в присутствии друг друга. Я часто убеждаю себя, что я параноик.

Но тогда бывают моменты, когда я случайно прикасаюсь к нему, когда передаю что-то, и восхитительная маленькая дрожь вьется по моему позвоночнику от прикосновения. Или, как его янтарные глаза темнеют, чтобы сжечь золото, когда он иногда смотрит на меня.

Снова и снова я должна убеждать себя, что неправильно понимаю вещи. Что он не смотрит на меня, время от времени так, как будто хочет поглотить.

В конце концов, я знаю об этих вещах, когда у меня была только одна поспешная, неожиданная встреча с мужчиной? Кроме того, я так же ценна для него, как утварь, которую положила рядом с его тарелкой. Я не более, чем инструмент для него, чтобы использовать, а затем выбросить, когда больше не смогу функционировать.

Он сидит за столом, где ему нравится сидеть и следить за каждым моим шагом. Наверное, потому, что он все еще подозревает, что я добавлю яд в его еду. Я поставила то, что приготовила для него, и возвращаюсь на кухню, чтобы прибраться.

Когда я закончила, он уже поел. Забрав использованную посуду, решаю попытать свою удачу.

— Могу ли я поехать в Йоа? — спрашиваю я, прибегая к искреннему и почтительному тону.

— Нет, — говорит он сразу. Он даже не поднимает свой взгляд с экрана планшета, когда строчит на нем.

Я нахмурилась. Я не ожидала положительного ответа, но он сказал нет с такой сокрушительной окончательностью, что это раздражает меня.

— Ты не хочешь знать, почему я хочу поехать в Йоа?

— Я знаю, что это уловка, чтобы отказаться от своих обязанностей раба.

— Это не так, — говорю я, хотя не буду врать, что это не приходило мне в голову. — Я хочу увидеть, что стало с моим домом.

— Тогда, возможно, тебе следовало бы вернуться, когда ты была в лесу, — он смотрит на меня с сердитым выражением лица.

Тогда я была бы мертва и не должна была бы терпеть тебя, будучи зачестую ублюдком.

Слова не покидают моего рта, но он смотрит на меня таким взглядом, как будто все-таки услышал их. Может быть, мое выражение показывает, насколько я не люблю его сейчас. Он отлично скрывает свои эмоции, но я буквально ощущаю их своим сердцем.

— Даже если бы я был достаточно глуп, чтобы удовлетворить твою просьбу, сейчас не самое подходящее время, — говорит он, когда встает. — Сегодня я уезжаю на конференцию в Секу.

— Когда ты вернешься? — И почему я чувствую себя разочарованным из-за новостей о том, что он уезжает?

— Через пять детар.

Пять дней в тюрьме?

Я нахмурилась.

- А я останусь прикованной здесь и ничем не занята.

— Я могу сделать твое преувеличение реальностью и приковать тебя. — Он смотрит на меня. — Пока я буду в отъезде ты будешь служить Андраку, и ты останешься среди других рабов, до тех пор, пока я не вернусь.

— Почему я не могу поехать с тобой? — Не могу поверить, что произнесла эти слова. Хочу вернуть их, как только они вылетели. Терон бросает мне странный взгляд, когда молча смотрит на меня.

— Возможно, в другой раз, — говорит он, удивляя меня.

Он касается своего имплантата и приказывает кому-то отправить другого раба.

Вскоре после его звонка, когда я поливаю его растения, их присутствие в доме Терона

продолжает поражать меня, так как я не ожидала, что из всех людей он что-нибудь выращивает — мягкий стук в дверь нарушает тишину.

Голос Терона управляет системой безопасности, и дверь открывается. Человеческая женщина с бледной кожей и волнистыми темными волосами до плеч входит в комнату.

Она почтительно здоровается с Тероном и еле заметно улыбается мне своими светло-розовыми губами. Одета в свободного покроя комбинезон, она стройная, с прекрасным овалом лица и с нависшими веками, близко посаженных глаз.

— Она будет твоим гидом, пока меня нет, — говорит Терон. — Теперь иди с ней.

Это так неожиданно. Я задумалась, должна ли пойти в свою комнату и взять что-нибудь, что мне может понадобиться. Меня не беспокоит, когда другой человек поворачивается и направляется к двери. Я вплотную слеую за ней, слишком взволнованна перспективой наконец освободиться от дома Терона и возможно, осуществить побег из Андрака.

Но прежде чем шагнула за дверь, Терон схватил мое запястье и заставил взглянуть на него. Его золотые глаза горят видя мои намерения.

— Не будь глупой, — говорит он, его голос низкий и наполнен предупреждением. — Даже когда я уйду, ты продолжишь подчиняться мне, Сила. Сделай один шаг за ворота Андрака, и я узнаю.

Глава 10. Сила

Человеческая женщина и я знакомимся, когда направляемся к лифту.

Ее зовут Ксиа и она работает вместе с отцом, помогая сохранять свет в Андраке.

Спускаясь вниз на лифте, я волнуюсь из-за слов Терона. Даже если он узнает, что я покинула Андрак, он будет далеко от Андрасара и не сможет остановить меня.

Или найти меня, если на то пошло.

Только потому, что я была послушным рабом почти месяц, не значит, что я намереваюсь быть такой всегда. Может он и назвал меня глупой за то, что я рассматриваю возможность побега, но он глуп, думая, что его угрозы остановят меня от попыток.

— Даже если ты сбежишь, как ты избавишься от ошейника без его разрешения? — спрашивает Ксиа.

Все ли здесь обладают способностью читать мысли?

— Откуда ты знаешь...

— Это написано на твоем лице, — улыбается она. — Урок номер один, от того, кто является завъет Андрака: научись скрывать то, о чем думаешь. Урок второй: если ты планируешь побег, убедитесь, что не провалишь его или пожалеешь.

— Звучит так, как будто ты говоришь из собственного опыта.

— Я родилась и выросла здесь, — говорит Ксиа. — Я видела другие попытки побега, неудачи и страдания за их последствия.

Ксиа и я приезжаем в наш пункт назначения, и выходим. Ее слова вселили сомнения. Она не отговаривала меня, просто сказала то, что мне нужно было услышать. Мне нужен надежный план, если я хочу сбежать.

— Ты когда-нибудь хотела сбежать? — спрашиваю я ее.

— Куда бы я пошла? Все, кого я знаю здесь, — говорит она, но ее голосу не хватает убежденности. Конечно, это ложь. Каждое существо любит свободу. — Как ты стала завъет Най Терона? Ты новенькая. Только те, кто служил в Андраке в течение нескольких лет и проявил лояльность к их обслуживанию, в конечном итоге становится рабом кого-то, такого высокого положения.

— Я сделала ему одолжение, и он думает, что отплатил мне этим, — говорю я горько. Не

хочу говорить ей правду. Боюсь, если сделаю это, приобрету врага в ее лице и всех других людей здесь, в Андраке.

Ксиа приводит меня в жилую зону рабов. Здесь милитарийский дизайн с мягкими серыми стенами, как и в коридорах по которым мы шли. Есть ряды двухъярусных кроватей, все они заправлены должным образом. На маленьких металлических прикроватных тумбочках личные вещи, что несколько облегчает унылость комнаты.

— Наверное, не так хорошо, как то, что у тебя есть в доме твоего завъена, — говорит Ксиа.

— Его дом - моя тюрьма.

Ксиа посылает мне любопытный взгляд.

— Ты была свободна, когда он нашел тебя?

Я колеблюсь отвечать, но решаюсь на правду.

— Да.

— Обычно он сажает в тюрьму людей, которых нашел без ошейника. Ты, должно быть, сделала ему большое одолжение.

Я натянуто улыбаюсь, но не отвечаю. Вместо этого я блуждаю по комнате и решаю сменить тему.

— Итак, какова сегодня наша миссия?

— Ну, Андрак только что расширился, и получил новую секцию, монтировать провода настоящая заноза в заднице, — говорит Ксиа. — Мы могли бы использовать твою помощь для более простых задач.

— Звучит весело. Мне нравится учиться новому.

Ксиа усмехается.

— Скажешь мне это после того как несколько раз споткнешься о кучу проводов. Или случайно ударишь себя током.

— Ты сказала «простые» задачи. Я не буду трогать что-то, что могло бы изжарить меня. Если бы я хотела, чтобы меня ударило током, просто разозлю хозяина.

— Это не должно быть смешно, но как есть, — посмеивается Ксиа. — Итак, еще одно: комендантский час в девять. Ты должна быть здесь до этого или двери будут заблокированы. Тебе придется либо спрятаться где-то до утра, либо они накажут тебя. Пойдем со мной, и я покажу тебе окрестности.

Ксиа берет меня на короткую экскурсию по значимым районам Андрака. С таким большим количеством зданий Андрак походит на свою собственную маленькую деревню в центре города Андрасар.

Даже несмотря на то, что Ксиа сделала все возможное, чтобы показать мне маршруты к местам, которые мне могут понадобиться, я уже уверена, что заблужусь. По крайней мере, на стене прилагаются карты. Надеюсь, я не сильно потеряюсь, если использую их.

Наконец, она ведет меня в новое здание, где работает. Провода разбросаны повсюду. Шесть других людей находятся в разных местах просторной, пустой комнаты. Шумы от их инструментов настолько резкие, что я вздрагиваю.

— Ты привыкнешь к этому, — кричит Ксиа.

Остальные посмеиваются и тепло меня приветствуют, и я делаю то же самое. Странно быть среди стольких многих других людей. Всю свою жизнь единственная компания, которая у меня, была - Иккон в пекарне.

Большинство клиентов андрасари не хотели взаимодействовать с человеком. Я пряталась в задней части, а Иккон имел с ними дело, к своему ужасу.

Он говорил, что ему все равно, потеряет ли он клиента Андрасари, который не хотят, чтобы человек обслуживал их, но мне не нравилось знание того, что кто-то не хочет покупать у нас из-

за меня.

Во время затишья шума, тонкий мужчина с редящими темными волосами с прожилками серебра пришел, чтобы приветствовать нас. Ксиа представляет его как отца, Шихонг.

— Я дам тебе несколько преждевременных советов, Сила, — говорит он с дружеской улыбкой, указывая на Ксиа. — Будь осторожна с ней. Я вырастил монстра. Она откусит тебе голову, как драки, если поймает тебя за бездельем.

Ксиа закатывает глаза.

— Папа, ты спал.

Шихонг дуется.

— Нет никакого преступления, чтобы вздремнуть.

— Нет, но если берешь с собой дрель, лежащую на твоём животе, это достаточная причина чтобы накричать на тебя.

— Ты слишком переживаешь, — говорит Шихонг, потом поглаживает ее щеку в отцовском жесте любви. — Прямо как твоя мать, благослови ее Кахафура.

Их обмен заставляет меня улыбаться, но делает тоскливой, напоминая мне, что я потеряла, когда у меня забрали Иккона.

С руководством Ксиа, я беру на себя задачу по обеспечению проводами на ближайшие дни. Распутывая их, вставляя их в аппарат, чтобы разрезать, иногда передавая инструменты Ксиа, когда она нуждается в них.

Ксиа любит и гордится своей работой. У нее есть командная грань, которую она не боится показать, выполняя работу.

Среди рабочих с Шихонгом во главе всего этого, легкий и заразительный товарищеский дух. Каждый день он рассказывает нам шутки или истории о Земле.

— В какой-то момент была куча идиотов, которые привыкли думать, что Земля плоская, — говорит он, когда мы готовимся к уходу на обед. Это мой третий день здесь, и мне начинает нравиться быть с Ксиа, Шихонгом и остальной командой. — Тогда долгое время люди привыкли полагать, что они были единственными разумными существами.

— Просто еще одно доказательство того, что люди глупы, — говорит Ксиа, с горечью в голосе. — Последние в нашем роде и что мы делаем? Мы заканчиваем тем, что становимся порабощенными и убитыми.

— Это не всегда будет так, Ксиа, — тихо говорит он, его юмор исчезает, когда тон становится мрачным. — Когда-нибудь люди снова получат свободу.

— Ты должен думать, что ты говоришь, Шихонг, — говорит один из рабочих с усмешкой. Его зовут Джоген, и я подозреваю, что он и Ксиа больше, чем просто друзья. — Если кто-нибудь из этих дракских ублюдков услышит тебя, они подумают, что ты один из тех борцов за свободу в восстании.

— Я? Борец? — смеется Шихонг. — Я всего лишь трус. Кроме того, у меня есть дочь, о которой я забочусь, и я слишком стар. Пусть молодые сразятся в хорошей борьбе.

— Может быть, мы сможем вернуть нашу свободу без всякой борьбы, — говорю я. — Не всем Андрасари нравится, как с нами обращаются.

Я думаю об Икконе, который умер из-за меня, других существ Андрасари, которые погибли в Йоа за то, что не поддержали наше порабощение. Я помню Эйин, Най Са, говорила Терону, чтобы освободил меня в тот первый день.

У Ксиа вид крайнего сомнения, но Шихонг кивает.

— Все, что потребуется, это чтобы к власти пришел новый Конай с мышлением о равенстве...

Он прерывает свою фразу, когда дверь резко открывается и отряд охранников андрасари

врываюся в комнату. Они бросили жесткий взгляд на всех нас, когда они формировали блокаду перед дверью.

То, как они смотрят на нас, беспокоит меня. Не только с обычной неприязнью. Со зловещим видом удовлетворения и злого предвкушения.

Как будто они застали нас делающими что-то, чего не должны и не могут дожидаться, когда мы заплатим за наши проступки.

Высокий и коренастый мужчина андрасари с седеющими волосами проталкивается к передней части охранников.

Мое сердце стучит сильнее в груди, дыхание учащается. Нет никакой ошибки в чертах его лица, потому что я видела это бесчисленное количество раз в моих кошмарах.

Это означает, что если он здесь, что-то ужасно неправильно.

Он улыбается, но я не могу назвать это так. Его губы, растягиваются над зубами, открывая их, тревожащим образом, в то время как в его золотых глазах вихрь ненависти. Его золотистые глаза пронесли над нами с отвращением. Не похоже, что он узнал меня. Поскольку я человек, легко забываемая для него.

Он лезет в карман своего серого пиджака и достает обычную белую прямоугольную карточку, держа ее в воздухе. На нем написан текст, но пальцы скрывают его.

— Вы знаете, что это? — спрашивает он. Мы все напряжены и молчаливы. — Это ключ к оружейному складу. Несколько дней назад он был взломан, и было украдено оружие.

Затем его ужасный взгляд застревает на Ксиа, лицо которой поражено ужасом. Он подходит прямо к ней.

— Но вы уже знали это. Я нашел карту у вас.

Ксиа открывает рот, но звук не выходит. Черты лица Шихонга тесно связаны со страхом и гневом. Он заслоняет собой Ксиа перед мужчиной андрасари.

— Она не делала этого, зевъена Ронан, — говорит Шихонг, сжимая кулаки по бокам. — Я нашел эту карту. Я намеревался вернуть ее...

Шихонг не может закончить свой ответ. Андрасари по имени Ронан сжимает кулаки и бьет его по животу.

Вскрикивая, Шихонг пошатывается и сгибается от боли. Ронан не смягчается. Он ударяет коленом ему в лицо, прежде чем провести кончиками пальцев, измененными в когти.

Как один, мы взорвались криками гнева. Ксиа и я добираемся до Шихонга, который рухнул на пол, а остальные нападают на Ронана и охранников.

Люди не очень далеко продвинулись. Андрасари быстро отражают их нападение, убивая некоторых из них, пока наносят вред другим. Шихонг много значил для этих людей, раз они пожертвовали своей жизнью, чтобы отомстить андрасари.

— Твое наказание за воровство - смерть, — плюнул Ронан в ошеломленного Шихонга, лежащего на коленях Ксиа. Кровь свободно стекала из носа Шихонга и в месте где Ронан провел по его щеке. Его левый глаз опухший и быстро становится фиолетовым. Ронан машет рукой над всеми нами. — Собери остальных. Они попадают в тюрьму за неподчинение.

— Это ложь! — сплевываю я, мое сердце стучит в груди. Возмущение кипит во мне и лишает логики, чтобы держать рот на замке. — Мы ничего вам не сделали. Вы напали первым.

Ронан поворачивается лицом ко мне, его глаза сияют от полной ненависти. Он поднимает руку, намереваясь ударить меня, когда Ксиа кричит на него со слезами на глазах.

— Она зевъет Най Терона. Если вы причините ей вред, то ответите ему за злоупотребление его имуществом.

Ронан выглядит так, будто он все равно ударит меня, а я не отступаю. Я окаменела от ярости и более чем готова убить его за ужасные вещи, что он сделал. За Шихонга, Ксиа, этих людей и за

себя.

Он опускает руку, чтобы обернуть стальные пальцы вокруг моей руки, когда он и его охранники направляют нас к заключению.

Глава 11. Сила

Они оставляют мертвых, а остальных бросают в одну большую камеру.

Кроме Шихонга.

Когда они уносят его, Ксиа просит их взять ее, вместо него, слезы свободно текут из ее глаз. Ронан поражает ее электрошокером, с напряжением намного выше необходимого. Упав на пол, она сильно трясется, ее крики эхом отдаются от стеклянных стен.

— Пожалуйста, остановитесь! — я умоляю его, проглатывая свой гнев в страхе за жизнь моей подруги. — Пожалуйста! Вы убьете ее.

Ронан насмехается надо мной, его намерение ясно: убийство Ксиа именно то, что он хочет сделать. Он отпустил Ксиа, и умчался из камеры со своей стражей.

Стоя на коленях, я притянула Ксиа к своей груди. Ее кожа горячая и покрыта потом, а ее брюки - влажные, тело иногда дергается, когда она восстанавливается после разряда тока.

Ярость возвращается, закипая в груди. Я чувствую боль Ксиа, когда она плачет, потому знаю, что это такое. Я потеряла того, кого любила, без возможности изменить что-либо.

— Это моя вина, — шепчет она. — Это моя вина, что он умрет. — Боль плавает в темно-коричневых глубинах ее открытых глаз. — Я та, кто обнаружил, ключ от оружейной, брошенный на пол. Я не вернула его, потому что думала ... я думала, что смогу использовать его когда-нибудь.

Поглаживая ладонью по лбу, я размышляю над ее словами.

— Но откуда он узнал, что он у тебя?

Ксиа села и слезы снова потекли из ее глаз.

— Какое это имеет значение? — сердито говорит Ксиа. — Теперь у них мой отец. Он признался, что он тот, кто нашел карту, и они обвиняют его в воровстве. Для людей никогда не бывает справедливости. — Она опустила голову и обхватила лицо ладонями. — Они убьют моего отца, и все, потому что у меня была какая-то глупая надежда, что мы сможем быть свободными. Мы никогда не выберемся из этого ада!

— Мы вытащим твоего отца, Ксиа, — я дотягиваюсь, чтобы утешить ее. Она вздрогнула от моего прикосновения. Я вкладываю больше уверенности в мои слова, чем чувствую. — Мы что-нибудь придумаем.

Проходит несколько часов, хотя я не знаю, сколько. Это достаточно долго, чтобы терпеть муки голода, достаточно долго, чтобы усталость одолела нас всех.

Мы позволили Ксиа спать на единственной имеющейся крошечной кровати. Все остальные располжились на полу. Душераздирающе слышать ее тихий плач. Я хочу сделать все правильно для нее, но чувствую себя беспомощной, не зная, как это сделать.

Я могла бы попросить Терона о помощи, но вероятность того, что он пойдет против решения его ровни, низка. Терон предан своему народу и не верит в справедливость для людей.

Кроме того, он не в Андрасаре и не вернется еще несколько дней. К тому времени, как он вернется, Шихонг умрет, а может и мы и все.

— Шихонг всегда был для меня как отец, — в ярости говорит Йоген. — Он покорно служил этим ублюдкам в течение многих лет. Если они убьют его, это все. Я присоединюсь.

Мне не нужно спрашивать его, что он имеет в виду. Он собирается принять участие в восстаниях.

В конце концов, нам дают совсем немного еды. Но Ксиа отказывается есть, хотя мы и

пытальсь накормить ее.

— Ты должна сохранить свою силу, Ксиа, — уговариваю ее я.

— Чтобы они могли ее использовать? — плюется она. Ее глаза красные от чрезмерного плача. — Продолжая использовать меня после того, что они собираются сделать с моим отцом?

— Твой отец не хотел бы, чтобы ты морила себя голодом.

— Мой отец мертв.

— Нет ... он не мертв. — Мой голос низкий и настойчивый. — Шихонг заботится о тебе и любит тебя, Ксиа. Ему будет больно знать, что ты не заботишься о себе. Я подталкиваю поднос к ней. — Ешь.

Она переводит сердитый взгляд между мной и подносом. Я убеждена, что она снова собирается отказаться от еды. Однако она поднимает сухой, сморщенный кусок мяса и вгрызается в него с яростью, как будто он причиняет ей боль.

Когда она закончила есть, я слышу приближающиеся шаги. Мы все встаем, наша усталость уменьшается, когда возобновляется страх. Они сейчас придут за нами. Они идут, чтобы положить конец всем нам.

Это совсем не то, чего я ожидаю.

Это Терон.

Мои губы разомкнулись в изумлении. Почему он здесь? Прошел не больше чем день, когда мы были заключены в тюрьму. Он предполагал пробыть в Секе на протяжении, по меньшей мере, больше пяти.

Прорывав приказ охраннику, дверь в нашу камеру открывается, и он входит внутрь. Все отступают, когда он входит, у них затравленный вид на лице. Я практически делаю то же самое, потому что присутствие Терона, пленяет и пугает одновременно. Его взгляд сосредоточен на мне. Он зол. Это горит в его золотистых глазах и излучается от него.

— Я ушел ненадолго, и все же, ты уже послушалась меня, — говорит он в ледяных тонах.

— Я этого не делала, — говорю я быстро, покачав головой. — Что бы тебе ни сказали, все это ложь.

— Молчи, — приказывает он, бросая подозрительный взгляд на окружающих, прежде чем снова взглянуть на меня. — Пойдем.

Я собираюсь спросить о других, но он поворачивается и вылетает из камеры. Я оглядываюсь на других людей, прежде чем сосредоточить свой взгляд на Ксиа.

— Я освобожу твоего отца. — Я обещаю ей, хотя знаю, что это самое худшее, что можно сделать: не следует делать обещаний, которые не сможешь сдержать. Ксиа молча кивает, и я спешу, прежде чем Терон найдет проблемой, то что я отстаю.

Он ничего не говорит мне пока мы едем в лифте, и я тоже не нахожу слов. Когда мы находимся в уединении его дома, я говорю:

— Раньше я видела Андрасари по имени Ронан. — Я спешу произнести остальную часть слов, решив быть услышанной, прежде чем он заткнет меня. — Он убил многих андрасари в моей деревне, которых считает сторонниками человеческих восстаний.

— Ты делаешь серьезные обвинения, — нахмурился Терон. — Зачем мне верить тебе, когда я нашел тебя обвиненной в нападении на Ронана и его охранников?

Так почему ты освободил меня из тюрьмы, если считаешь, что я это делала?

— Я говорю правду, — говорю я вместо этого. — Вокруг Йоа ходят слухи, что андрасари, которые поддерживали людей, были убиты. Затем он появился в пекарне. Я видела его. Я ... — Мой голос ломается, когда я вспоминаю жуткий образ Ронана, который погружает свои ужасные когти в грудь Иккона. — Я смотрела, как он убивает Иккона, прямо передо мной. — Терон молчит, как если принимает меня во внимание, поэтому я продолжаю. Это может быть мой

единственный шанс, когда я смогу достучаться до него. — Люди, которые атаквали, сделали это только в ответ. — Я излагаю рассказ о том, что произошло, когда Ронан ворвался внутрь. — Я думаю ... — Я медленно облизываю губы и понижаю свой голос. — Думаю, это была подстава. Думаю, он хотел, чтобы Ксиа нашла эту карту, чтобы он мог обвинить кого-то в преступлении. Как он мог точно обнаружить карту в ее владении?

Терон хмурится и отводит взгляд от меня, как будто размышляет. Он что-то знает об этом?

— Почему человек не вернул карту в тот момент, когда она ее нашла?

Я колеблюсь.

— Возможно, она забыла сделать это вовремя.

Его взгляд сверлит меня, видя правду. Терон так же умен, как и безжалостен. Мое сердце сжимается, что он может захотеть наказать Ксиа за то, что она планировала, но так и не делала.

— Как ты узнал, что меня посадили в тюрьму? — спрашиваю я, надеясь отвлечь его.

— Новости быстро распространяются в Андраке. Эйин слышала и оповестила меня.

Спросить его, сократил ли он свою поездку из-за меня, будет ничто иное, как самонадеянность и скорее всего, получу удар током за его инсинуацию, что он заботится обо мне.

— Он невиновен, — говорю я вместо этого, имея в виду Шихонга. — Он не заслуживает смерть.

— Никто не невиновен, — говорит он. — Даже ты. Но ты наивно думаешь, что можно что-то сделать для спасения этого человека. Он признался, что у него была карта. Это решило его судьбу.

— Но ты можешь помочь ему, Терон. — Я не задумываясь, потянулась, чтобы прикоснуться к его руке. Он становится напряженным. Расстроенная собой, я перешла границу и потеряла свой шанс помочь Шихонгу, я поспешно убираю руку.

Терон хватает меня за запястье и делает шаг ближе.

— Я всегда буду твоим хозяином. Следовательно, ты должна обращаться ко мне, как к таковому, а не моим именем, как будто мы равны.

— Да, зевъена.

Нахмурившись, я пытаюсь вырвать руку, но его захват сжимается.

— Ронан причинил тебе боль?

Его вопрос прозвучал внезапно, удивляя меня.

— Почему тебя это волнует? — горько спрашиваю я. — Я человек. Мое благополучие ничего не значит для тебя.

— Ты что-то значишь для меня, — говорит он. Ощущение трепета наполняет мой живот, хотя я стараюсь не добавлять никакого дополнительного смысла в его слова. — Ты принадлежишь мне. Я не отношусь любезно к другим, наносящим ущерб моей собственности.

— Потому что ты понесешь убытки, делая это самостоятельно?

— Ты помнишь, что я тебе говорил, Сила? Никогда не заставляй меня повторять вопрос.

Нервировало то, что он так близко, тепло его пальцев, прижатое непосредственно к моей коже.

— Он не причинил мне боль. Он собирался, пока не узнал, что я твой ... твоя зевъет. — Мое лицо нагревается. — Я предполагаю, что он боится тебя больше, чем он любит мучить людей.

Мы замолкаем. Его хватка ослабевает на моей руке, но он все равно не отпускает меня. Вместо этого он ... он ласкает меня. Его палец медленно двигается по моей коже.

Что случилось бы с Ронаном, если бы он причинил мне боль? Если бы я сказала Терону?

Я хочу задать ему этот вопрос, но мой разум не может сейчас сосредоточиться. Каждая частица меня сосредоточена на той точке контакта, которую я разделяю с ним. Это совсем

невинное прикосновение, но каждая крошечная ласка опалает мое лоно.

Мой живот кажется тяжелым и тесным, как будто там что-то живое. Наши взгляды сцепились, пока его веки становятся на половину прикрытыми, когда он сосредотачивается на моих губах.

На сей раз так и есть. Нельзя отрицать голод в его потемневшем взгляде. Я застыла от изумления, и мое сердце колотилось так громко, я уверена, что он это слышит.

Предатель! Я слышу человеческий голос из шахты в Ваке, что было так давно. Всевышняя богиня, он прав. Я забыла все, о кончине Шихонга, о боли Ксиа, о том, факте что Терон - мой враг. Все, о чем я могу думать, это то, насколько хочу, чтобы он прикоснулся к моим губам.

Может быть, только один поцелуй.

Только один поцелуй, и тогда мы можем вернуться к полной ненависти друг к другу. Он останется по ту сторону баррикад, а я останусь на своей. Террон наклоняется ближе, его губы нависли над моими. Я жду прикосновения его горячих губ, но он как будто ждет, чтобы я остановила его. Когда я этого не делаю, он опускает мою руку и отходит от меня.

Его маска исчезла и я вижу все. Голод и ненависть. Конфликт, война, его внутренняя борьба с самим собой. Но все исчезает прежде, чем я могу моргнуть.

— Иди в свою комнату, раб, — сплевывает он, и я поспешно повинуюсь.

Я не просто убегаю от него, я спешу прочь с надеждой, что все это предательское желание, которое испытала к нему, останется позади, прежде чем оно снова сможет меня настигнуть.

Глава 12. Терон

Возможно, я схожу с ума.

Или, по крайней мере, какая-то болезнь охватила меня. Только это может объяснить, почему я позволил себе даже рассматривать то, чтобы поцеловать Силу, не говоря уже о том, чтобы почти сделать это.

Что еще хуже, понимание, что она ждала этого же. Ее глаза умоляли меня так же сильно, как и ее тело. Запах ее возбуждения подстрекал моего дракона и я чуть не клюнул на приманку.

Мой член твердый, и я наполовину убежден, что должен ворваться в ее комнату и показать ей, что она делает со мной.

Вместо этого я направляюсь наружу. Взобравшись на балконные перила, прыгаю и изменяюсь в дракона в воздухе. Это опасно, но я наслаждаюсь трепетом, наблюдая, как земля стремительно приближается ко мне прежде, чем избегаю ужасного столкновения несколькими взмахами крыльев.

Чем выше я лечу, тем холоднее атмосфера, и меня это успокаивает. В конце концов, наступает ночь. Это напоминает мне, что я должен был присутствовать на конференции в Секе, укрепляя отношения Андрасара с регионом, один Афат, почти уничтоженный бессмысленной войной.

Вместо этого я помчался обратно в Андрасар, когда Эйин позвонила мне с новостями о том, что Ронан заключил в тюрьму людей, и среди них Сила.

Почему я прошел такое расстояние, чтобы обеспечить безопасность человека - это то, что я отказываюсь обдумывать. По той же причине, почему не хочу перекидывать ярость, которая томится внутри меня, на Ронана. Он осмелился прикоснуться к тому, что принадлежит мне. Он заключил ее в тюрьму и угрожал причинить ей вред.

То, что Сила обнародовала о Ронане, беспокоит меня. Как долго это происходит и почему я ничего не слышал об этом?

Доверять Силе кажется неразумным, потому что мне трудно принять, что кто-то такой хороший и честный, как она существует. Тем не менее, я верю ей. Даже, несмотря на то, что я не

люблю людей, потому что они постоянно напоминают мне о том, что я потерял, я пришел к равнодушному принятию их присутствия в Андрасаре.

Однако, ненависть Ронана к людям не знает границ. Я помогал терроризировать их, в кампании Афата, но она процветает из-за Ронана.

Хотя я понимаю причины, которые стоят за этим, я не могу принять и поддержать несправедливость Ронана против нашего рода.

Вернувшись домой, я надел свежую одежду, сопротивляясь соблазну открыть дверь Силы, когда проходил мимо нее. Я направляюсь в офис Ронана, и нахожу, что он в компании Афата распивает бутылку вина.

Афат направляет свой обычный враждебный взгляд на меня, тогда как я скрываю ненависть, которую испытываю к нему, и приветствую его с уважением.

— Я не ожидал, что ты вернешься так рано Терон, — холодно сказал Ронан, его взгляд был пронзительный. — Была ли цель конференции безуспешной?

— Этот старый хер уже мертв? — спрашивает Афат, его глаза сверкают злым восторгом. — Я слышал, что он собирался встретиться с Кахафурой в любой момент.

— Най Адан сообщил мне, что его отец все еще жив.

Ложь, конечно. Адан был скрытен о здоровье своего тоха, когда я спросил. Тем не менее, слова имеют желаемый эффект. Лицо Афата становится угрюмым, как у ребенка, у которого украли конфету.

Афат начал войну с Секой из-за его алчных планов претендовать на господство над регионом. Он послал бесчисленное количество Андрасари на смерть, чтобы сразиться с ледяными драконами, у которых было преимущество непроницаемости против неблагоприятно низких температур.

Его жажда власти зачастую раскапывает мои старые подозрения, что он приложил руку к смерти моих родителей.

— Я хотел бы поговорить с Ронаном наедине, Окан, — говорю я.

— Я - гребаный Конай, — сплевывает он, поднимаясь на ноги. Предсказуемый, как всегда, всвоим драматическим поведением. — Я обладаю Андрасаром и всем в нем. Даже тобой, Терон. Что бы ты не хотел сказать Ронану, можно сказать, при мне.

Алкоголь придал ему мужества бросить мне вызов, когда он обычно избегает меня.

Он наполовину изменился, его зубы и когти удлинились. Когда я был ребенком, это помогало, запугать меня до того момента, как он ранил Эйин. Я выше, сильнее, гораздо более опытный, чем он когда-либо был даже в самом расцвете сил. Он позволил годам снисхождения смягчить и притупить его способности.

Конай или нет, мой род или нет, я убью его, если он посмеет напасть на меня.

Понимая предстоящее уничтожение, Ронан заговорил.

— Мой дорогой Конай, вам нет необходимости горячиться, — тон Ронана обхаживающий, как можно было бы говорить со своими возлюбленными, когда они ведут себя неразумно. — Возможно, Терон только пытается оградить вас от беспокойства. Вы много выпили. Вам стоит немного отдохнуть.

Ронан потирает плечо Афата в утешительном, интимном жесте. Иногда я задаюсь вопросом, не больше ли это, чем дружба.

Афат был женат один раз и никогда не женился снова после внезапной смерти Конай са. Я слышал слухи о причастности Афата. Его предпочтения, когда он посещает бордели, чье молчание он считает, что купил. Как эти предпочтения часто больше относятся к мужчинам, чем женщинам. Как часто Ронан тоже сопровождал его.

Афат смотрит на меня, прежде чем полностью отступает к своей первичной форме. Затем

поворачивается и выходит за двери.

Как он и я разделяем кровь? Почему я служу такому существу? Почему Андрасар в руках кого-то вроде него?

— Я слышал что-то тревожное, Ронан, — говорю я, как только Афат ушел. — Ты убиваешь андрасари по обвинениям в поддержке восстаний людей, без того, чтобы сперва, судить по закону.

Он хмурится и не отвечает сразу.

— У всех нас есть работа, Терон, — говорит он, наконец, постукивая по поверхности своего стола. — В то время как тебе поручено сохранять эффективность работы Андрасара, я тот, кто держит его в безопасности.

— Ты не выполняешь свой долг, подстрекая войну, — говорю я, нахмурившись. — Как думаешь, что произойдет, если ты продолжишь это? Твои действия чреваты серьезными последствиями.

Он насмехается.

— Действительно, есть последствия, и это страх. Я хочу, чтобы Андрасар понял, что ничего не выиграет, кроме смерти, от поддержки этих гнусных кретинов, населяющих нашу землю.

— То, что ты делаешь — порождает недовольство в Андрасари. Тогда восстание, которое когда-то было так легко подавить, станет намного труднее. — Я останавливаюсь. — Я также узнал, что ты заключили в тюрьму рабов в Андраке, мой зевъет среди них.

— Это истинная причина, по которой ты вернулся так быстро, Терон? — спрашивает Ронан, беспокоя меня. — Ты отменил свою важную встречу, чтобы прибежать, и спасти своего маленького человека-раба?

Взволнованный тем, что разворачивается, я наступаю на него. Когда это стало таким? Ронан всегда был другом Афата, но он никогда не относился ко мне как к врагу.

Теперь я больше не уверен. Мне также не нравится, что его слова содержат правду.

— Ты подразумеваешь что-то опасное, Ронан, — говорю я, мой тон низкий и наполнен предупреждением.

— Я слышал о том, что произошло на этом горном заводе в Ваке. Беспорядки, которые вышли из-под контроля, потому что ты позволил своему рабу говорить за тебя. Вместо того чтобы уничтожить непочтительных людей, которые пытались сражаться, ты пощадил их жизни из-за просьбы своего зевъет. — Взгляд Ронана темный и наполнен отвращением. — Я боюсь, что твоя позиция скомпрометирована, Терон. Твои ценности разрушаются из-за отвратительной природы человека.

Я хватаю его за переднюю часть пиджака и притягиваю ближе, готовый убить его за то, что он говорит правду. Но он не уклоняется от меня.

— У нас была долгая и успешная дружба, Ронан. Было бы позором для нас потерять ее из-за твоего неуважительного языка.

— Я прошу прощения. Я оговорился, — говорит он, его тон непримиримый. Он улыбается с триумфом. Холодок вьётся вдоль моего позвоночника, от того как он похож на Афата прямо сейчас. Я чувствую отвращение и освобождаю его. — Ты попросил меня расследовать нападение на тебя и я это сделал. Человек, которого я заключил в тюрьму, помог в краже оружия.

Заявление Силы о невиновности человека и ее подтекст, что планировал Ронан, звучали у меня в голове. Тогда я ей не верил, но едва скрытое презрение во взгляде Ронана, заставило меня сомневаться.

Почему Ронан использовал этого человека как козла отпущения, если ему нечего скрывать? Появилась темная мысль, что, возможно, Ронан организовал атаку на меня. Тем не менее, когда ты знаешь кого-то долгое время и считаешь, их своими союзниками так же долго, не стоит

сомневаться в их лояльности.

— Откуда ты это знаешь? — спрашиваю я его. — Ты проследил расположение его ошейника возле оружейного склада во время нападения на меня?

— Нет, потому, что нет необходимости. Владение ключом является доказательством его вины.

— Если бы он был виноват, он бы не сохранил его.

— Почему ты защищаешь человека? — насмехается Ронан. Он выглядит сердитым, как будто не ожидал, что я буду подвергать сомнению его решения.

— Это не правосудие. Ты сделал мне медвежью услугу, наказывая другого, пока настоящий виновник нападения все еще бродит на свободе.

Он выпускает многострадальный вздох.

— Я хотел смолчать, но ты не оставляешь мне выбора, — говорит он. — Конай чувствует, что это необязательно. Я продолжу расследование нападения, особенно сейчас, когда мы нашли подозреваемого. Он предпочел бы, чтобы я публично казнил человека за преступление и обратил свое внимание на важные вопросы.

Я не удивлен, что Афат считает нападение, которое почти забрало мою жизнь «несущественным делом».

— Это не закончится хорошо, Ронан, — говорю я. — Если ты убьешь человека, которого другие считают невиновными, это станет катализатором, который приведет ещё одну войну к нашим воротам.

— Я действую по приказу Конай. — Его тон упрям, его глаза блестят от возбуждения. — Завтра человек заплатит цену, в качестве примера для других, за последствия того, что бросают нам вызов. Если они хотят войны, пусть будет война. И тогда я убью их всех.

Глава 13. Терон

Двор Андрака переполнен людьми, в это утро казнят человека.

Стражи Андрасари окружают их, сдерживая. Мы с Силой стоим под навесом Андрака, вне толпы.

В центре есть платформа. На ней осужденный человек привязан к столбу.

— Тебе не обязательно быть здесь, — тихо говорю я Силе. Она не сказала мне ни слова со вчерашнего вечера. Меня часто раздражала ее болтливость, но теперь, ее молчание беспокоит меня.

Она говорит, только когда это нужно и избегает моего взгляда. Когда смотрит на меня, ее взгляд не сосредоточен, будто смотрит сквозь меня, как если бы хотела притвориться, что меня не существует.

— Я должна ради Ксиа, зевъена, — говорит она тоном, лишенным каких-либо эмоций.

Я должен быть счастлив, что она наконец-то ведет себя так, как предполагается, но я далек от этого. Темная неприятная субстанция разливается в моей груди. Разнообразие эмоций, которые являются опасными, чтобы раскрыться для них, поскольку они идут, непосредственно, вопреки моих идеологий.

Вина, потому что человек, привязанный к столбу выше на платформе, умрет, отчасти из-за меня.

Гнев, что, несмотря на всю мою силу, я все еще не могу положить конец тому, что должно произойти.

И хуже всего, холодное понимание того, что, когда этот человек потеряет свою жизнь, Сила больше никогда не сможет смотреть на меня так, как делала это накануне.

Что должно быть хорошо. То, что мы почти сделали, было ошибкой огромных масштабов.

То, что мы почти сделали, не должно даже рассматриваться.

Мои мысли возвращаются к настоящему, когда Ронан поднимается на платформу. Высоко наверху, на одном из балконов Андрака стоит Афат со своей стражей, контролируя происходящее внизу.

— Сегодня я научу вас всех ценному уроку, — начинает Ронан, обращаясь к людям. — Этот человек был признан виновным в воровстве и способствовал групповому нападению на нашего самого превосходного Най Терона Висклауда. За эти преступления Конай приказал, чтобы этот отброс был приговорен к смертной казни. Смерти, которой вы все будете свидетелями. Он должен быть примером последствий неповиновения и восстания против вашего зевьена. — Ронан повернулся к человеку. — У тебя есть что сказать? Ты раскаиваешься в своих преступлениях?

Сердитые бормотания распространялись по всей толпе, черты человеческих лиц искажались ненавистью. Напряженная энергия сгустила воздух до состояния студня, и, как будто стража знает об этом, они достают свое оружие. Несмотря на свою силу и подготовку, они являются неменяющимися андрасари, не способными принять другую форму, а люди превосходят их.

— Я люблю тебя, Ксиа, — неровный от эмоций голос человека сорвался, его багровое, искажившееся лицо, сверкает от слез. — В мое отсутствие, пусть Кахафура продолжит защищать тебя, благословит тебя счастьем и силой простить тех, кто причинил боль.

Предпочитая, чтобы люди просили пощады, Ронан насмехается и бьет человека по голове. Люди в толпе кричат, но стихают, когда он изменяется в дракона.

Его большая металлическая серая форма взмывает в небо. Порыв ветра от его крыльев толкает некоторых людей назад, его хвост щелкает туда-сюда, как ужасный хлыст.

Он ревет, вызывая огонь из недр своего тела.

Ему не нужно так драматично убивать одного человека.

Ему вообще не нужно убивать этого человека.

Человек на платформе храбро сталкивается с предстоящей казнью. Он не просит милосердия, даже когда Ронан опускает голову и изрыгает на него огонь.

Я слышал, как многие люди кричали, когда я их сжигал заживо, и всегда получал удовлетворение от этих криков.

Впервые я не испытываю радости от страданий человека.

Сжимая кулаки, я переносу страшный вопль. Даже в сильной боли он не умоляет.

— Не смотри, — говорю я Силе, потянувшись к ней, чтобы отвернуть ее, потому что не хочу, чтобы этот образ навсегда укоренился в ее голове. Она выворачивается, прежде чем я могу прикоснуться к ней. Ее глаза блестят от слез, в них танцует пламя.

Сила, не отводя взгляда, смотрит на все это. Она запомнит этот момент навсегда, будет помнить, что, даже если это не я, тот кто сжег человека заживо, я по-прежнему нес ответственность за то, кто я.

Крик человека внезапно заканчивается, и Ронан возвращается на платформу, обнаженный в своей первичной форме. Огонь все еще горит, пожирая столб, с привязанным к нему телом, но все молчат.

Энергия толпы становится темнее и напряженнее, чем раньше. Если Ронан чувствует это, ему, похоже, все равно. Он ухмыляется от яростных лиц, окружающих его, торжествуя от содеянного. Дракон открывает рот, без сомнения, чтобы сказать больше, чтобы сыпать соль на рану, которую он широко раскрыл.

Крик разорвал сгустившуюся тишину, и человеческая женщина забежала на платформу.

— *Vi osir eus ose!* — кричит она. Это один из самых старых и мрачных девизов Андрасари,

популяризированный моим подстрекательством войну дедушкой, когда он был Конаем.

Ты убешь или умрешь.

Убешь или будешь убит.

Она быстрее, чем Ронан ожидал, ее ярость подпитывает ее движения. Женщина повалила Ронана на землю, нож, зажатый в кулаке образовал дугу в воздухе. С диким криком она замахивается и несколько раз бьет его в шею и грудь.

Стража Андрасари наводняют платформу, отрывая девушку от Ронана. Одно единственное движение, резкий поворот головы и жизнь, что теплилась в этом стройном женском теле, покидает его.

Анархия извергается, когда происходит сражение. Я пойман в тиски необходимости подавить толпу и необходимостью защитить Силу.

Я выбираю последнее, хватая ее за руку и торопя к одному из входов Андрака. Внутри Андрака тоже хаос, толпа людей кишит повсюду, когда они скандируют во весь голос:

— *Vi osir eus ose!*

— Оставайся здесь, — я приказываю, вбегая в мою квартиру. — Не позволяй никому войти. Человек или Андрасари. Это не безопасно, пока я не восстановлю контроль.

Она молча кивает, и я ухожу.

Платформа опустела, тела Ронана больше нет на ней, но на поверхности имеется большая лужа крови. Вероятно, он мертв, потому что, хоть меняющиеся рур и могут выдержать серьезные травмы, мы все еще подвержены нападению на жизненно важные органы. Ронан был заколот в грудь. Может быть, клинок достиг его сердца.

Конечно, Афат ушел и больше не руководил насильственными последствиями. Об использовании ошейников, чтобы ударить током для подчинения людей не может быть и речи, потому что это навредило бы Силе.

Некоторые драки, сжигали людей заживо, но я приказал, пощадить жизни людей и вместо этого, загнать их, хотя некоторым удалось сбежать, я не беспокоюсь о погоне.

После того, как остальные покорены, неменяющиеся стражи арестовывают их и волокут в тюремные камеры.

Глава 14. Терон

Уничтожить следы казни и привести в порядок Андрак, заняло остаток дня.

К тому времени, я посетил Эйин, выяснив, что состояние Ронана, вечером ухудшилось.

— Он будет жить, — тихо говорит Эйин. — Через несколько дней он восстановится и встанет на ноги.

Эта новость должна принести мне облегчение, но вместо этого, я ничего не чувствую. Когда смотрю на Ронана, лежащего без сознания на столе Эйин, все, что чувствую - злость за то, что он сделал.

Когда я был ребенком, то считал его образцом для подражания, из-за его способности противостоять Афату. Мы должны были быть на одной стороне. Тот, кто работает над улучшением Андрасара, несмотря на упорство Афата, забивает кол в землю.

Когда все изменилось?

Эйин собрала медикаменты в сумку, будто готовясь уйти.

Я нахмурился.

— Куда ты идешь?

— Я должна позаботиться о людях, которые были ранены в бою, — говорит она.

— Это глупо, Эйин. Они не будут любезно реагировать на Андрасари, ухаживающую за их ранами.

Она сжимает губы.

— Но им нужна моя помощь ...

— Нет. — Я говорю жестче, чем предполагал, и она вздыхает. Я смягчился, расстроенный собой. — Не сейчас. Мне нужно сообщить им, что им предоставлен второй шанс, несмотря на то, что они сделали. Что они не получают другого, если будут упорствовать в своем неповиновении.

— Это совсем не похоже на тебя. Ты никогда не даешь второго шанса.

— Ронан забрал жизнь человека в надежде начать войну. Я хочу убедиться, что присек это в корне.

Говоря с ней не могу заставить себя посмотреть на нее, по той причине что она знает, что это не вся правда. Она всматривается в меня, ее интеллектуальный ум приходит к правильному заключению в считанные секунды.

— Ты делаешь это из-за Силы? — спрашивает она.

— Пощада жизни людей не принесет ей никакой пользы.

— Нет, но ты хочешь ее. Я видела, как ты смотрел на нее в тот первый день, когда привел сюда. Ты знаешь, что если убьешь их, она никогда не захочет иметь с тобой ничего общего.

— Не будь смешной, Эйин. Я не могу хотеть человека.

— Ты говоришь себе, что не «можешь», но это не значит, что «не хочешь». — Она улыбается моему хмурому взгляду. — Какая ироничная ситуация, Терон Висклауд, великий презиратель всех людей.

— Больше иронии, — тихо говорю я. — Она - моя половина огня.

Глаза Эйин расширились, и, запрокинув голову назад, она расхохоталась. Это не та реакция, которую я ожидал, но хорошо в такой кошмарный день, услышать смех моей сестры.

Когда ее юмор угасает, она становится мрачной, обнимая меня.

— Я рада за тебя, Терон, потому что ты нашел то, что желают найти очень многие. Но ты построил такую высокую стену вокруг себя, которая блокирует тебя от того, что твое.

Не зная, как реагировать, я взъерошиваю волосы, как раньше, когда мы были детьми. Сокрушаясь в знак протеста, она хлопает меня по руке и прогоняет.

Вернувшись домой, я вижу, что Сила стоит у одного из больших окон, выходящих на город под нами. Она не признает моего присутствия, и я колеблюсь. Но я отказываюсь от нее прятаться.

— Сила.

— Да, зевъена? — отвечает она, но не смотрит на меня.

Я нахмурился. Вчера именно так я требовал называть меня. В этот момент я знаю, что она использует это как щит, как способ отдалиться от меня. Точно так же, как я называл ее «человеком» или «рабом», когда мысли о том, что она подо мной, становились слишком заметными в моей голове.

— Не я тот, кто убил сегодня человека, — говорю я. — Почему ты злишься на меня?

Сила насмешливо хмыкнула.

— Человек.... Это то, что мы все для вас. Коллективное слово без индивидуальности, стадо, потому что легче ненавидеть нас и жестоко обращаться. — Наконец она встречает мой взгляд, ее глаза сияют от гнева. — Он был личностью с именем. Шихонг. Не просто «человек».

Каждая часть меня жаждет дотянуться до нее, обнять и утешить, но я знаю, что она не примет это. Не от меня. Не тогда, когда я олицетворяю ее страдания. И не должен. Это было бы опасно.

— Я обещала Ксиа, - говорит она, снова глядя в окно, покачав головой. — Я обещала, что освобожу его. — Она делает паузу. — Полагаю, он мертв. Больше никакого жестокого обращения

и несправедливости.

Я должен быть счастлив, что она выглядит так, говорит так. Сломленная, ее плечи поникли, признавая поражение, ее голос пронизан только горьким смирением. Это то, что приносило мне удовлетворение в людях, в течение многих лет. Этот взгляд в их глазах, когда они понимают, что для них не осталось надежды.

Теперь все не так. Вместо этого, чувство вины сдавило мою грудь, и вместе с ней приходит сомнение в себе и своих убеждениях. Что-то, что я никогда не подвергал сомнению раньше.

Смешно, как это слабое, крошечное существо заставляет меня чувствовать себя столь незначительным, заставляет меня подвергать сомнению правду о том, чем меня кормили все эти годы. Если я смогу рассматривать ее за то, что она есть - что-то хорошее и честное - было бы вызовом увидеть больше ее характера в положительном свете?

Эти мысли меня огорчают. Они слишком чужды для меня, чтобы вызвать светлые эмоции прямо сейчас.

— У тебя, кажется, фантастические ожидания, несмотря на знание темной реальности своего существования. — Я приближаюсь. — Это облегчит твоё разочарование, если я скажу, что пытался? Я пытался спасти его жизнь, хотя он был подозреваемым в преступлении, которое почти забрало мою жизнь. Хотя я никогда не щаю жизнь кого-то, кто пытается причинить мне вред.

— Тогда почему я здесь? Я ранила тебя клинком. Почему бы тебе не привязать меня к столбу и тоже не сжечь заживо?

— Потому что ты другая.

Ее гнев испарился, сменившись удивлением. Она мгновение смотрит на меня в молчании, пока я стою и жалею, насколько неосторожно слова сорвались с моих уст.

— Единственное что меня отличает, что я была настолько глупа, чтобы спасти твою жизнь. Достаточно глупа... достаточно самоуверенна, чтобы думать, что это изменит то, как ты смотришь на мой род. Я должна была оставить тебя умирать. — Ее темно-карие глаза вспыхнули гневом. — Я должна была развернуться и продолжить идти своей дорогой подальше от тебя.

Я двигаюсь к ней. Она отступает, пока не упирается в стеклянное окно, прижимающееся к ее спине. И все же я занимаю ее пространство, пока между нами остается несколько дюймов.

— Ты должна была, тогда бы мы оба умерли в блаженном неведении друг друга. — Я приподнимаю ее подбородок и опускаю свое лицо к ее. — Но ты осталась и прокляла нас обоих.

На этот раз, я не колеблюсь. Захватываю ее губы своими, и мой дракон бушует внутри меня, беспокойный и требующий, чтобы я взял больше.

Она бьет меня, конечно, потому что Сила - моя половина огня, и, как и я, никогда не сдается легко. Она толкает мою грудь и отворачивает лицо. Схватив ее запястья, прижимаю их над головой моей половинки, и она тут же извивается от моей хватки.

Понимая, что не может освободиться от моего захвата, Сила перестала бороться и замерла.

Я сильнее ее, больше, неподатлив против ее уступчивой утонченности.

Она моя противоположность.

Я - тьма, которая поглотит ее великолепный свет.

От неприязни и возмущения ее глаза гневно сверкают, а глубокое дыхание разрывает тишину. Даже когда она меня ненавидит, она самая чертовски красивая особь, которую я когда-либо видел, и я так сильно хочу ее, будто глубокая, постоянная боль поселилась в какой-то неосязаемой части меня.

Ее температура тела поднялась, запах возбуждения разрушил мою обычную уверенность в логике. Мое сопротивление этой жажде между нами встретило свою смерть. Зверя внутри меня не волнуют последствия.

Его волнует только то, что у него в лапах есть та, кого он больше всего хочет, и он намеревается пировать.

Глава 15. Сила

Передо мной больше не просто Терон.

Еще и тот темный монстр, который живет внутри него.

Ночь, и единственный свет вокруг нас, от города внизу. Терон нависает надо мной, как тень во мраке, но я все еще вижу его лицо. Все еще вижу, как его глаза мерцают золотым и огненным голодом, который крадет мое дыхание, и я знаю, что он собирается поглотить меня там, где мы находимся.

Я не позволю ему. Не сдамся, даже если мои соски – твердые вершинки, требующие его внимания, а между ног повлажнело от необходимости его прикосновения.

Я все еще не отошла от его первого поцелуя, когда он возвращается с другим. Терон наклоняет голову в сторону, его язык скользит по моим губам, прежде чем медленно погрузиться в рот.

Страсть окутывает меня теплом, подавляя в момент, когда его язык кружит против моего. Но голос в моей голове, тот, что наполнен здравым смыслом и предусмотрительностью, кричит на меня, заставляя сопротивляться.

Не сдавайся.

Пытаясь освободить руки от его хватки, я отворачиваюсь от поцелуя, оставляя мою шею открытой. Терон медленно тянется губами вдоль линии челюсти и сосредотачивается на ямке под ухом.

Влажный жар его рта и языка вызывает ощущения стянутости между ног и вырывает у меня всхлип. Его свободная рука находит узел на моей одежде раба и рывком ослабляет его. Концы одежды открываются, оставляя меня в нижнем белье.

Румянец заливает мое лицо от гнева и стыда. Только один мужчина видел меня такой, но это было так давно, что ощущение, будто это в первый раз.

Смотрю на лицо Терона, его взгляд обжигает кожу, пугает меня своей интенсивностью. Я – мясо, поставленное перед диким, голодным животным, которое слишком долго было заковано, а теперь освобождено.

Бесполезно вырываться из его захвата. Его рука могла быть с таким же успехом, металлическим зажимом вокруг моих запястий. Я набралась сил, работая в пекарне, поднимая тяжелые мешки с хлебобулочной продукцией, но в хватке Терона я, как крошечная птица.

— Ты девственница, Сила? — спрашивает он внезапно, его голос глубже и грубее. Когда я не отвечаю, он дарит мне темную улыбку. — Полагаю, это не имеет значения. Поскольку, думаю, что стану твоим первым и единственным.

— Тронь меня, и ты умрешь, андрасари, — сплевываю я.

— Твои угрозы пусты и бессмысленны. — Терон склоняется к моему лицу, его голос хриплый. Пальцы руки скользят прямо под край моего лифчика, сдвигая его, так что он нежно ласкает нижнюю часть моей груди. — Тебе понравится то, что я собираюсь сделать с тобой, Сила. Ты будешь жаждать мой член, и когда я похороню его глубоко внутри тебя, ты будешь молить о большем, пока я трахаю тебя.

— Ты должен отбросить всю эту самоуверенность и вспомнить, свою мораль, андрасари, — говорю я, усмехаясь.

Мое сердце колотится, легкие отчаянно нуждаются в воздухе. Его непристойное обещание слишком громогласное, заглушающее рациональный голос.

Я резко вдыхаю, когда Терон поднимает эластичный материал моего лифчика, обнажая мою

грудь для своего хищного взгляда. Он обхватывает одну своей большой, шероховатой рукой.

Зажав мой сосок между двумя пальцами, Терон дернул за него. Моя челюсть ослабела, когда предательское тело подалось вперед само по себе, а грудь выгнулась навстречу его контакту.

— По твоему мнению, у меня нет морали, — говорит он, насмешливым тоном, продолжая сжимать и ласкать мою плоть. — По твоему мнению, я отвратительный ублюдок, который не воспринимает тебя и твой род. — Терон наклоняет голову, так что его губы движутся у моего уха. — Но кем это делает тебя... — его рука сползала с моей груди, скользя по грудной клетке, медленно двигаясь мимо пупка. Я извиваюсь, а кончики его пальцев щекочут кожу чуть выше верхнего края моего нижнего белья — ...когда ты хочешь такого, как я?

Предатель, который хочет прикосновения своего врага.

Предатель, который позорно стонет, когда получает желаемое.

Пальцы Терона скользят в мое нижнее белье, сползают вниз, раздвигая складочки промежности. Он давит на тугий бутон у меня в промежности, и я поднимаюсь на носочки. Крепко сжимаю глаза, а также губы, настолько, чтобы не закричать от наслаждения, поднимающегося в горле. — Раздвинь ноги, Сила, — рычит он. Кончики его пальцев вырисовывают ленивые круги на моей чувствительной плоти. Я демонстративно крепче сжимаю ноги, захватывая его руку.

— Я не сдамся тебе, — говорю я, но моему голосу не хватает уверенности.

Торжествующая улыбка искривила его губы. Это приводит в бешенство. Я хочу, стереть это с его лица.

— Ты такая красивая, когда упрямишься.

Он выпускает мои запястья в то же время хватается за нижнее белье и дергает его вниз по моим бедрам. Не задумываясь, я развожу их, чтобы лоскут ткани свободно упал на пол. Терон использует эту возможность, чтобы вклинить пальцами между моих ног.

Его пальцы изогнуты и вторгаются в мое лоно, в то же время его губы снова обрушиваются на мой рот. И решимость сопротивляться значительно ослабла, атакованная вещами, которые он делает с моим телом.

Ответный поцелуй Терону, сердитый, яростный.

Просто потому что, наконец, сдаюсь, не означает, что мне это нравится.

Кому и зачем я лгу? Мне нравится, очень нравится...

И я ненавижу себя за это.

Ненавижу за это и его.

Все же, я хочу его не меньше.

То, что мы делаем, кажется неизбежным. Борьба с этим похоже на попытку сдержать ревущий огонь руками.

Его толстые пальцы трахают меня, а горячий влажный язык доминирует над моим. Хватаюсь за переднюю часть его пиджака, пытаюсь оттолкнуть. Вместо этого я шире раскрываю свои ноги для него. Сжав кулаком пиджак, притягиваю Терона ближе, и он проглатывает мой стон удовольствия, словно моя капитуляция дает ему жизнь.

Ощущаю на своих губах его жаркое дыхание, когда он разрывает поцелуй. Терон мнет ладонями мою грудь, перекачивая сосок между пальцами. Влажный звук исходит от того, где другие его пальцы манипулируют мной по его воле.

Каждое поглаживание заставляет меня напрягаться, а дыхание ускоряется, вынуждая меня поднимать бедра, отчаянно жаждая финиша, который его пальцы обещают мне.

Мое тело натянуто и напряжено.

Он прав, что он мой первый. Я исследовала свое тело, но никогда не чувствовала ничего подобного раньше. Ко мне никогда никто так не прикасался. Возможно, он также прав, что будет

моим единственным.

Но Терон замедляется до мучительных темпов, что заставляет меня дрожать от разочарования.

— Терон ... — Я задыхаюсь. Не узнаю этот голос. Не могу звучать так отчаянно. — Ты ублюдок ...

— Я не могу дать тебе то, что ты хочешь, если ты оскорбляешь меня. — Терон сжимает мою грудь и толкает третий палец в меня, растягивая, чтобы я вскрикивала и поднималась на цыпочках. Его рука, должно быть, промокла от того насколько я возбуждена. — Но я могу, если ты просишь об этом.

Я больше не могу думать правильно. Просто хочу освобождения.

— Ты хочешь, чтобы я сказала, пожалуйста?

— Нет, этого недостаточно. Ты можешь сделать лучше, чем это.

— Тогда ... пожалуйста ... — Я надавливаю на него бедрами. —... Пожалуйста, трахни меня.

Он убирает руку, чтобы снять пиджак. Когда наконец избавляется от штанов, хватает меня за талию и тянет на пол.

Его рот обрушивается на мой в голодном поцелуе, и я отвечаю ему с таким же рвением. Скольжу руками вниз по его рукам, лаская даже гребни чешуек на его коже.

Он содрогается от моего прикосновения, и я наслаждаюсь низким горловым стоном удовольствия, которое он издает. Я не знала, что у андрасари растет возбуждение от прикосновения к их чешуе.

Моя голова кружится со скоростью, с которой мы двигаемся. В один момент мы спорили о чем-то, в следующий мы на полу спутались воедино.

То, что мы делаем неправильно, даже запретно. Я человек, раб, а он королевский андрасари. Если нас обнаружат, таким образом, меня убьют и, возможно, Терона тоже, за нарушение идеологий его людей.

Мы должны быть врагами, так как мы оказались здесь? Почему его прикосновения ко мне не кажутся неправильными? Может быть, он прав, и мы оба прокляты.

Терон - гора твердой, горячей плоти между моими ногами и надвигается на меня. Его член лежит на моем животе, жесткий и теплый. Вес ... длина ... Я стараюсь не дрожать от страха быть неспособной принять его.

Он прикладывает руку к моей шее, и следует легкий щелчок. Ошейник ослабевает и отпадает.

— Я не хочу раба, — говорит он, когда разместил под углом свою длину возле моего скользкого входа и скользит в меня. — Я хочу тебя.

Погружаюсь в темноту с ним, и понимаю, что не хочу возвращаться к свету, если не могу взять его с собой.

Его губы парят над моими, проглатывая мой вздох, когда он наполняет, растягивает меня. Его так много, слишком много. Он должен выйти и толкнутся вперед, чтобы полностью проникнуть в меня.

Когда он это делает, моя спина выгибается от пола. Мои стенки сжимаются вокруг него, но нет выхода, нет мягкости. Его член твердый и неумолимый. Он собирается уничтожить меня.

И я буду любить каждую секунду моего разрушения этим могущественным принцем-драконом.

Терон страдальчески замычал, толкаясь в меня. Порывы его теплого дыхания щекочут мою ключицу. Этот клубок удовольствия, который он уже задел внутри меня перезапускает свою спираль. Он не нежный. Опираясь на локти, Терон берет меня грубо и с анималистическим отчаянием.

Меня опьяняет то, что я заставила этого волевого мужчину, лишится сдержанности. Среди других он сдержан до холодной точки. Но со мной он зверь, одержимый похотью и решимостью утвердить меня своей.

— Терон ... — Я задыхаюсь, дрожа под ним, мои ногти царапают его широкую, мускулистую спину. Я удерживаемая во власти своей кульминации, переполнена удовольствием и теплом прокатившимся через мое тело.

Ругань, стон удовольствия грохочущий в груди, Терон кончает внутри меня. Его плоть пульсирует, наполняя меня своим семенем. Я крепко сжимаю его, надеясь выдоить каждую каплю внутрь моего тела.

Невероятная волна ощущений и покалывающего тепла пронесется через меня. Мое сердце скачет, когда я внезапно наполняюсь взрывами энергии. Они отличаются от оргазма, но чувствуется так же удивительно.

Он прижимается носом к моей шее, его рука скользит вдоль моего бедра, лаская, что гораздо мягче, чем то, что мы только что сделали.

— Ты моя, навсегда моя, Сила. — Он говорил это тихо, как если бы намеревался сохранить слова у себя в голове и по ошибке сказал их вслух.

— Да, — шепчу я, слишком напугана, насколько верны слова, чтобы сказать их громче. — Да, Терон, я твоя.

Глава 16. Сила

Переспать с врагом, не должно быть невидимой линией, которую вы можете случайно пересечь.

Это должен быть высокий забор, покрытый ядовитыми шипами, чтобы удержать вас от восхождения.

Это ощущалось так правильно, когда руки Терона ласкали меня, когда его губы были против моих, когда он отрывисто сказал мне на ухо, что хочет меня, когда он довел меня до уровня удовольствия, о существовании которого я никогда не знала.

В тот момент мы забыли, кто мы должны быть друг другу.

Конечно, после того, как это было кончено, мы были вынуждены вспомнить.

Я погрязла в чувстве вины. Тем не менее, не сожалею, потому что это означало бы, что я сделала другой выбор, если бы получила второй шанс. Я бы не сделала. Позволила бы ему целовать меня, взять меня на полу и наслаждалась каждой секундой этого.

Хуже всего, я бы позволила ему сделать это снова.

И именно по этой причине чувство вины сжимает мою грудь и наваливается на плечи.

Я действительно предатель. Для себя и для моего народа.

В то время как Ксиа, все еще в тюрьме оплакивает казнь отца, я охотно позволила их принцу утвердить мое тело, как его. Несколько дней спустя его прикосновение по-прежнему является призраком на моей коже.

Я пытаюсь притвориться, что все нормально. Что я просто еще один завьет, оказавшийся на службе ее зевъена. Что когда закрываю глаза, не вижу голода в его взгляде, когда он нависал надо мной. Что не слышу его стоны, когда он кончал внутри меня.

Что я не это имела в виду, когда сказала, что его.

Однако, если бы я думала, что Терон был ублюдком до того, что произошло между нами в ночь казни Шихонга, он действительно оправдывает это имя сейчас.

Стена, которой он обычно окружает себя, толще, выше и холоднее, чем раньше. Он либо резко критикует то, что я делаю для него, либо вознаграждает меня холодным молчанием.

Его неспособность взглянуть на меня, и его избегание быть в той же комнате, что и я

слишком долго, является достаточным доказательством того, что, даже хоть я и не жалею, он несомненно это делает.

Сидя в главной комнате, я стараюсь обратить внимание на книгу, которую читаю. Терон в своем кабинете, и говорит с кем-то. Может быть, у него встреча? Его сердитый голос интригует меня. Оставив свою книгу, я приближаюсь к закрытой двери, когда его приглушенный голос становится более связным.

— ... сжигание деревень. Теперь они будут создавать оружие из всего того украденного руриума ... Это потому, что вы недооценили их интеллект. Они стали скоординированными, подождите одну минуту. У меня непрощенная аудитория.

О Боже. Я забыла, что у существ андрасари есть такая досадная способность - чувствовать ваш запах издалека.

Я была готова поспешно уйти, когда дверь резко открылась, и он поймал меня.

Мы удерживаем взгляд друг друга. Я застыла там, где стояла, мой мозг в замешательстве от слов.

— Неужели восстание усиливается? — наконец спрашиваю я.

— Это не твоя забота, человек, — холодно говорит он. — Вернись к тому, что ты делала, и держись подальше от этой двери.

— Мы теперь вернулись к «человек»?

Богиня свыше, мне нужна замена. Мне нужна новая пара губ, потому что мои неисправны, и явно имеют склонность доставлять мне неприятности.

Терон разглядывает меня с удивлением, как будто он не может поверить, что я осмелилась произнести эти слова. Честно говоря, я сама довольно поражена. Я сглатываю и заставляю себя говорить поспешно.

— Я просто хочу быть в курсе того, что происходит. Я не видела ничего, кроме этих стен с тех пор ... со времени казни Шихонга. — Смущение заливает мое лицо, как всегда, когда вспоминаю о том, что мы сделали после казни Шихонга, воспоминание врывается с легкостью.

Он смотрит на меня молча, и я сопротивляюсь желанию опустить взгляд. Наконец, мрачный вид решимости пересекает его черты. Как будто он пришел к какому-то решению.

— Тебе нужно уйти.

Я ненавижу себя, что вместо того, чтобы чувствовать радость от его слов, чувствую панику.

— Ты меня освобождаешь?

— Да, я освобождаю тебя от твоих обязанностей как моего зевъета, — говорит он, его голос лишен эмоций. — Ты будешь служить рабом в Андраке, а также проживать в местах, предназначенных для твоего вида. Собери все предметы, которые считаешь важными из своей комнаты, и уходи отсюда.

— Почему?

— Я твой хозяин, — усмехается он. — Ты будешь делать то, что я говорю без вопросов, раб.

Он говорил мне эти слова раньше бесчисленное количество раз, и они оставили меня равнодушной. На этот раз, они как удар под дых, задержав дыхание от шока, что это причиняет боль.

Я оборачиваюсь, прежде чем он может видеть слезы, потому что чувствую, нелепо плакать. Тратить слезы на него и без того плохо, чтобы позволить этому ублюдку увидеть их.

— Здесь нет для меня ничего важного, что мне понадобится, — говорю я холодно. — Пожалуйста, дай мне доступ к дверям, чтобы я могла сразу уйти.

Он произносит команду своей системе безопасности. С распрямленными плечами я выхожу из его квартиры, не имея понятия, куда мне нужно идти. Я вызываю лифт и еду на самый нижний этаж и только после того, как шагнула в мрачный коридор, поняла у меня есть

возможность сбежать.

Я была существом, заключенным в тюрьму, так долго, что даже тогда, когда мой хозяин больше не хочет меня, я до сих пор подчиняюсь его приказам.

Эйин появляется в моем поле зрения, прежде чем я могу вернуться в лифт и сбежать из этого места.

— Почему ты здесь, Сила? — спрашивает она.

— Я ошиблась.

Пусть верит, что я имею в виду, что вышла не на том этаже. Она не знает, что ошибка, которую я совершила - день, когда прибежала к дракону, ревущему в лесу, так давно.

Она странно смотрит на меня.

— Ты хочешь, чтобы я отвела тебя обратно к Терону ...

— Нет, — резко говорю я. Затем смягчаю голос и натянуто улыбаюсь. — Это необязательно. Я больше не завьет Най Терона. Я сейчас на службе у Андрака.

Она смотрит на меня некоторое время и хмурится.

— Он все еще не сказал тебе?

— Сказал мне, что?

Она качает голову, сверкая быстрой улыбкой.

— Просто говорю вслух. Ничего касающегося тебя.

Я ей не верю. Такая дружелюбная, Эйин все еще является сестрой Терона. Если она похожа на своего брата, чьи темпераменты меняются так же часто, как ветер меняет направление, было бы глупо оспаривать ее слова.

— Поскольку ты, кажется, не знаешь, что делать, ты хочешь работать со мной в лазарете в течение дня? — спрашивает она. — Есть еще много раненых людей с боя, который произошел после казни Шихонга. — Ее черты становятся мрачными. — Его дочь тоже помогает столько, сколько может.

Ксиа. В ту ночь я глупо пообещала ей, что помогу освободить ее отца, в последний раз, когда ее видела. Я бы не хотела столкнуться с ней сейчас.

Оставив ее, по крайней мере, не увидеть ее ещё раз - это путь труса. Мне нужно извиниться за то, что дала ей ложную надежду только для того, чтобы она была жестоко подавлена.

— Да, я хотела бы помочь, — говорю я Эйин.

И она ведет меня в лазарет.

Глава 17. Сила

Ряды коек, заполненных немощными людьми, заселили лазарет.

Мужчина андрасари, которого я увидела в свой первый раз здесь, всматривался в экран голографической консоли, которая усеяна неразборчивым текстом. Он настолько поглощен своей работой, что, похоже, не подозревает о нашем приходе.

На некотором расстоянии, стоя рядом с кроватью, Ксиа наклонилась к лежащему человеку. Тряпкой в руке, она вытирает лоб. Ксиа поднимает голову от пациента, взглянув на Эйин, прежде чем остановить взгляд на мне.

Моя грудь сжата и тяжелая от страха и чувства вины.

— Могу я быстро поговорить с Ксиа, прежде чем начну? — спрашиваю я Эйин.

Кивнув, она оставляет меня, чтобы проверить пациента.

Как Эйин отличается от брата. В большинстве случаев, когда я обращалась с просьбой к Терону, первое слово на его губах "нет".

Пробираясь к Ксиа, я отодвигаю мысли о Тероне в сторону.

— Как ты?

Это такой банальный вопрос, но я не знаю, с чего начать. Ее карие глаза не проявляют враждебности. Губы немного подтянулись, и я чуть расслабилась.

— Я рада видеть, что ты здорова, Сила, — говорит она, избегая моего вопроса.

Я решила начать прямо с того, что хочу сказать.

— Ксиа, мне так жаль ...

Она поднимает руку.

— Не стоит. Ты хотела, как лучше и я верю, что ты пыталась, но было слишком поздно, чтобы спасти его. — Ее голос дрожит, когда она говорит. — Во всяком случае - это моя вина, что он умер.

— Это не твоя вина, — говорю я решительно. Ненавижу, что Ксиа обвиняет себя в чем-то подобном. Достаточно трудно потерять любимого человека, не говоря уже о том, чтобы нести бремя вины, что они умерли из-за тебя.

Я знаю, потому что разделяю ее переживание. Если бы не я, Иккон все еще был бы жив. Но поскольку он решил относиться ко мне как к кому-то ценному, он погиб.

Я понижаю голос.

— Ронан подстроил все это, чтобы иметь козла отпущения для пытки. Он ничто не любил так сильно, как убивать людей. Но он не сможет больше причинить боль, теперь, когда он мертв.

— Ублюдок не умер, его кровь перевертыша спасла его. — Ксиа сжимает тряпку в руке, ее голос как холодное лезвие. — Он уже на ногах, убивает еще больше людей. Видишь это? — Она указывает на ошейник на своей шее. Новый, сделанный из стали руриум, зловеще поблескивает на черном пальто. — Этот не просто поражает тебя как раньше, он взрывается. — И хоть ее лицо маска ярости, ее глаза сияют непролитыми слезами. — Я видела, как они демонстрировали его на Джогене, когда он пытался сбежать.

Это самая ужасная вещь, которую я когда-либо слышала. По моей коже побежали мурашки. Отвратительное ощущение ползет вдоль моего позвоночника при мысли, что Терон приложил руку к этому ужасному методу порабощения моего народа.

Взгляд Ксиа скользнул на мою шею, затем сфокусировался на мне.

— Почему ты не носишь один из новых ошейников? Это обязательно для всех людей.

— Терон, Най Терон никогда не говорил мне об этом. Он держал меня прикованной вдали от всего, с тех пор... — Я не удосужилась завершить предложение. Знаю, она поняла, о чем я говорю.

— Предполагаю, что он не хочет видеть, как ты взорвешься на несколько кровавых кусков.

В ее тоне есть что-то, что заставляет меня нервничать, а также ее пристальный взгляд, который постепенно становится подозрительным.

Я натянуто улыбаюсь ей.

— Я рада тебя видеть, Ксиа. Теперь, вероятно, следует поговорить с Эйин, чтобы узнать, как я могу помочь...

Ксиа внезапно хватается за руку, ее голос обвинительный шепот.

— Ты его любовница, не так ли?

— Конечно, нет, — говорю я, но сказала это слишком быстро, и мой голос слишком высокий. Даже в моих собственных ушах я слышу, как звучат лживые слова. — Я даже не его завьет больше.

Ее хватка сжимается, ее взгляд дикий.

— Ты врешь. В ту ночь, нас всех посадили в тюрьму, он прервал поездку и вернулся, чтобы освободить тебя, защитить. Когда ты сказала мне, что сможешь освободить отца, ты знала, что тебя благосклонно выслушают, не так ли? Ты знала, что можешь убедить его сделать это, потому что значишь больше, чем простой раб.

— Очевидно, это не так, потому что это не сработало. Твой отец все же умер, — говорю я сердитым, тихим голосом. Я выдернула руку из ее хватки. — Ты ошибаешься, Ксиа. Я ничего не значу для Най Андарасы.

— Какую пользу ты ему приносишь Сила? — спрашивает она резко. Когда я не отвечаю сразу, она рычит на меня. — Что ты сделала?

Не говори ей.

Но правда все же покидает меня.

— Я спасла его жизнь.

Я смотрю, как она складывает все в голове. Атака на жизнь Терона, которую Ронан упомянул на казни Шихонга. Той, в которой ее отец был несправедливо осужден. Я вижу, как она смотрит на меня. Вижу слово в ее глазах, прежде чем оно сформировалось на ее губах.

— Предатель, — сплевывает она. — Ты не только помогла врагу против своих собственных людей, но также и спала с ним. — Ее трясет от ярости. — Я убью Ронана и Афата за то, что они забрали жизнь моего отца. А так же удостоверюсь, что твой любовник тоже мертв.

— Ксиа, делать что-то вроде этого...

— Здесь все в порядке? — доносится обеспокоенный голос Эйин. Она хмурится на Ксиа. Она слышала ее угрозы?

Ксиа не отвечает. Она отталкивает меня со своего пути и выбегает из лазарета.

Стоя рядом с кроватью пациента, которого лечила Ксиа, смотрю на тряпку, которую она бросила на пол. Я чувствую себя такой же безвольной и выжатой, как тряпка.

Я стану одним из самых ненавистных людей в Андраке, когда Ксиа расскажет другим людям, что я сделала. Может быть, даже более ненавистной, чем Афат, Ронан и Терон вместе взятые.

— Я не могу остаться здесь. — Я не хотела говорить слова вслух. Охваченная жалостью к себе, я забыла, что Эйин все еще достаточно близко, чтобы услышать меня.

— Куда ты пойдешь, если уйдешь? — тихо спрашивает она.

— Далеко, — говорю я, глядя на нее. — Далеко, далеко отсюда.

Эйин коротко кивает, как будто моего ответа достаточно. Она подвигается ближе и утешительно кладет руку мне на плечо.

— Я приду за тобой сегодня вечером. Будь готова. — Тогда она отстраняется от меня с улыбкой, пока мои открытые губы все еще приоткрыты от шока. — Теперь давай приступим к исцелению наших пациентов.

Чего мне существенно не хватает в медицинском опыте, Эйин восполняет терпением, когда руководит мной. Совершенно очевидно, насколько она любит свою работу. Я чувствую зависть к ее страсти, поскольку меня поражает то, что Эйин может делать.

После ужасных столкновений, которые у меня были с Тероном и Ксиа, я не ожидала найти какой-либо радости в этот день, но есть что-то глубоко удовлетворяющее и полезное, помогая пациентам в лазарете.

Всю свою жизнь, все, что я знала, это выпечка. У меня не было таланта к этому, как у Иккона. Я стала хороша в этом через годы практики. Никогда не представляла какую-либо грандиозную карьеру для себя, потому что людям не предоставлена такая роскошь.

Я довольствовалась знаниями о том, что проведу оставшуюся часть своих лет в пекарне. Мне даже не приходило в голову, что когда-нибудь Иккона не будет поблизости, чтобы быть моим опекуном. Что пекарня не всегда будет моим домом.

Но работа с Эйин открыла глаза на возможности, на опасную надежду, что я, наконец, нашла что-то, в чем я хороша. Особенно, когда Эйин восхваляет самые крошечные достижения, которые я делаю, и провозглашает меня «прирожденной».

— Обучившись ты можешь стать отличным медиком, — говорит она, с искренним волнением в глазах. Ее комплимент подобен солнцу и воде, вместе взятых, а я -- умирающее растение, обретающее новую жизнь, когда это пропитывает меня. Я снова теряю присутствие духа, когда она добавляет тихим голосом: — Но я не могу обучать, если тебя здесь не будет. Не передумала?

Решимость пошатнулась, но качаю головой.

— Нет.

Когда наступает комендантский час, Эйин говорит мне остаться на одной из коек в лазарете.

Время, кажется, ползло, когда я лежала без сна, ожидая ее. Всякий раз, закрывая глаза, все, что я вижу, это лицо Терона, искривленное от ярости, когда он поймет, что меня нет.

Ему все равно. Он уже отверг меня, даже не угрожал мне относительно побега, когда я ушла этим утром. Насколько мне известно, я больше не существую для него.

Эта мысль причиняет мне боли больше, чем следовало, так что я сделаю все возможное, чтобы забыть о нем.

В конце концов, Эйин приходит ко мне.

— Вот, — говорит она, вручая мне сумку, похожую на ту, которая была у меня до того, как я приехала сюда. — Тут кой-какая еда, ее должно хватить на некоторое время.

Андрак ужасающе молчит, когда она торопит меня вперед. Мое сердце глухо стучит в груди, несомненно, мы будем обнаружены. Часть меня питает недоверие к Эйин, но я сосредоточена на том, чтобы поспевать за ее быстрым шагом.

В конце одного мрачного коридора Эйин прижимает руку к тому, что я предполагаю - сплошная стена. Но она ускользает, раскрывая пещеру абсолютной тьмы.

— Этот туннель ведет мимо стен Андрака к аллее в городе. В сумке есть голографическая карта, чтобы ты не потерялась.

Она закрывает глаза и протягивает руку. В ее ладонях формируется цветение золотого света в форме шара. Это сафур. Частицы энергии Эйин превращаются в светлое и слабое тепло.

Иккон делал их для меня, когда я была ребенком, чтобы развлечь меня. Я не знала, что неменяющиеся андрасари тоже могут их создавать.

Золотой свет сафура сияет на ее лице, когда она показывает, чтобы я взяла его.

— Тебе нужно идти сейчас, прежде чем он умрет, — говорит она, указывая на сафур. — В туннелях очень темно.

Я смотрю в зияющую черноту. Она пугает, но это мой побег. Тогда я снова встречаюсь взглядом с Эйин.

— Почему ты помогаешь мне?

Она указывает на свою щеку, где шрам скрыт волосами.

— Афат сделал это. Я назвала его жестоким за убийства и порабощения людей, когда все это началось, и он ударил меня измененными пальцами. Терон пытался его убить и ему это почти удалось, несмотря на то, что был так молод. — Она улыбнулась, как будто это было нежное воспоминание, когда на самом деле угнетающе. — Но я умоляла его не делать этого, потому что Афат был нашей единственной семьей после смерти наших родителей. Афат продолжал убивать и порабощать еще больше людей. Итак, ты видишь, что страдания людей всецело лежат на моих плечах. Если бы я дала Терону закончить работу - Афат был бы мертв, а Терон был бы Коной сегодня.

— Это все равно не изменило бы судьбы людей. Терон ненавидит всех нас.

— Кроме одного. — Она улыбнулась. — Иногда это все, что тебе нужно. Только один, чтобы изменить судьбу многих.

Глава 18. Терон

Прошлой ночью, когда дремал в своем кабинете, в строенном маячке в ошейник Силы, сработал сигнал тревоги в моем имплантате.

Она вышла за пределы Андрака.

Я проснулся и встал на ноги в считанные секунды, готов выследить ее и притащить обратно в свою квартиру.

Только после того, как я выбежал из моего кабинета, вспомнил, что не должен гнаться.

Мне должно быть все равно.

Это то, чего я хотел. Я прогнал ее от себя, потому что как бы не презирал Ронана, за то, что он сказал, он прав.

Сила отравила мои мысли, подорвала убеждения, которых я придерживался в течение многих лет. Поскольку человеческие восстания сильны и выходят из-под контроля, я сомневаюсь в своих действиях. Вместо того, чтобы убивать тех, кого признал виновными в непослушании, посадил в тюрьму.

Конечно, Ронан оспорил это, казнив их. Афат предоставил ему больше власти, чем обладаю я, и это превратило его в неузнаваемое существо.

С тех пор как он подвергся атаке человека злорадия и ненависть Ронана усилилась. Он вызывает в воображении различные способы уничтожить людей, его последнее изобретение - ошейник, который взрывается и убивает человека, который его носит.

Это зашло слишком далеко, и я знаю, что даже некоторые андрасари, которые были несгибаемыми сторонниками порабощения людей, тоже так думают. Поскольку Ронан так же убивает свой собственный вид в мнимом соблюдении приказа, больше андрасари присоединяется к мятежу.

Борьба усиливается, человеческий голос громче, и они, наконец-то, услышаны.

Я стою перед дверью в течение долгого времени, мой дракон тревожный и злой из-за того, что половинка моего огня сбежала. Он требует, чтобы я пошел за ней и должным образом утвердил ее укусив, заклеил, как свою пару. Таким образом, она никогда не захочет оставить меня снова.

Нет, я должен отпустить ее. Хотя за стенами Андрака не безопасно, ее присутствие здесь может поставить под угрозу ее будущее. Рабы внутри Андрака в безопасности, потому что служат Андрасари, которые служат Конаю, но со временем Ронан убьет и их.

Поэтому я возвращаюсь в свой кабинет, мое тело напряжено от гнева. Я разъярен на себя, из-за того, что, не смотря на большую власть, которой наделен, я все еще бессилён.

На самом ли деле это бессилие или все же трусость?

Ронана и Афата нужно остановить, и тем не менее я ничего не делаю. Силу нужно вернуть и защитить, тем не менее. я прячусь в своем кабинете. Я стою на перепутье и не желаю делать выбор, потому что боюсь последствий.

Я не мог заснуть всю оставшуюся ночь. На следующий день мое настроение такое же черное, как чешуя моего дракона.

Оно не улучшилось, когда наблюдатель из района Тарро прислал мне краткое послание, что Тарро пожелал прекратить торговые связи с Андрасаром, если преследование людей и существ Рур продолжится.

Встреча с Афатом, чтоб обсудить новое развитие и убедить его держать в узде Ронана, была бесполезна. Он не отвечает на мои звонки. Он отсутствует в Андраке и не был замечен в течение некоторого времени. Несомненно, Афат отправился в один из домов удовольствий, которым он пользуется, пока его империя погружается в хаос.

К вечеру я всего лишь кипящая ярость. В Андрасаре беспорядки, и Сила все дальше уходит от меня.

Она не может снять свой ошейник без моего прикосновения, поэтому я знаю ее точное местоположение. Но диапазон ошейника ограничен, и, неминуемо, Сила будет потеряна для меня навсегда.

Как же ей удалось сбежать?

Я проверяю журналы местоположений ее ошейника, начиная с того момента, когда она покинула мою квартиру. Очевидно, она провела большую часть своего дня, даже после комендантского часа, в лазарете.

Я хмурюсь из-за этого. Помогла ли Эйин ей? Даже несмотря на то, что Эйин никогда не скрывала, что не поддерживает порабощение людей, она знает, что Сила моя половинка огня. Она не помогла бы ей сбежать, зная важность Силы для меня.

Поэтому я направляюсь в лазарет, чтобы узнать правду.

— Конечно, я помогла ей сбежать, — без колебаний ответила Эйин.

Я никогда в жизни не был так разозлен сестрой. И ее безразличный тон не помогает, когда она призналась в своем предательстве.

— Почему ты сделала это? Ты можешь быть заключена в тюрьму, Эйин.

— Ты собираешься рассказать Ронану и убить меня? — Когда я не отвечаю, она пожимает плечами. — Она хотела уйти, поэтому я помогла.

— Не могу поверить, что ты сделала что-то подобное. Особенно, когда ты знаешь, что она моя... когда ты знаешь, что она для меня значит.

— Я не могу поверить, что ты относишься к своей половинке огня так чудовищно. — Она поджимает губы. — Ты бы видел ее. Она выглядела такой потерянной, одинокой и раненой. Сильный дух, который сломлен. Не знаю, что ты сделал, Терон, но независимо от того, что ты мой раб, и я люблю тебя, ты не заслужил ее.

Я резко запускаю руки в волосы в разочаровании. Вина и стыд съедают меня.

— Думаешь, я этого не знаю? — грубо говорю я. — Каждый день, когда она была здесь, каждый раз, когда я смотрел на нее, напоминало мне об этом факте.

— Тогда я оказала тебе две услуги — говорит она. — Она вне поля зрения и внимания, так что ты можешь вернуться к старому себе. Не тому, которого тоха и каха пытались воспитать с порядочностью и уважением к другим, а тому, кто был наполнен ненавистью, которого взрастили Афат и Ронан. — Ее тон горький, черты лица потемнели от разочарования. — Во всяком случае, она не может быть здесь. Дочь Шихонга, Ксиа, знает, что Сила спасла тебе жизнь и рассказала другим людям в Андраке. Теперь она считается предателем своего собственного вида.

Когда Эйин заканчивает говорить, я чувствую себя избитым и побежденным, как если бы она приобрела способность изменяться и ударила меня об землю.

— Что ты хочешь от меня? — сказал хрипло я. — Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Не спрашивай меня, Терон. Ты точно знаешь, что тебе следует делать. — Она отворачивается от меня. — Я должна вернуться к работе.

Она уходит от меня, чтобы ухаживать за шевелящимся больным.

Я покидаю больницу, и какое-то время стою на одном из балконов и смотрю на раскинувшийся город Андрасар.

Вдалеке вьется струйка дыма в направлении темнеющего неба. Это распространенное зрелище в последнее время. Признак того, что еще одно здание было разрушено разъяренными людьми, стремящимися бороться до конца за свою свободу.

Сначала я сопротивлялся, но позволил себе допустить мысль о том, чтобы уступить

требованиям людей. Не знаю точных мыслей тохи, когда он дал им убежище в Андрасаре, но он, должно быть, верил, что это правильный выбор.

Он дал людям земли в Андрасаре чтоб жить и процветать. Тоха столкнулся с незамедлительным неодобрением от своего народа, но все же не прогнулся, под их гневом.

Он и каха были убиты вскоре после этого. Убиты, во сне.

Затем Афат пришел к власти, забрав мое право, данное при рождении, стать Коной. Несмотря на мои подозрения, что он забрал жизнь брата, он убедил меня, что ответственны за это люди.

При отсутствии личности убийцы моих родителей, было легко прицепится к этому объяснению. Легко было ненавидеть людей, потому что они были не такими, как Рур. Легко было принимать участие в их страданиях в слепом стремлении отомстить.

В старой записи моего тоха адресованной Андрасару, выражающий печаль, что мы, такие сильные существа стали слабыми от предубеждения.

Сила сказала мне нечто подобное, когда мы впервые встретились.

Держась за ненависть к существам, которых считаешь низшими, становишься слабее их.

Ненависть лишила меня счастья и мира.

Ненависть сделала меня слабым.

Возможно, настало время найти силу.

Глава 19. Терон

Коснувшись своего имплантата, ищу местонахождения Силы.

Чудом ей удалось выбраться из города в лес. Она, кажется, нашла правильный путь, который приведет ее к Тарро.

Меняясь в форму дракона, я взлетаю к ночному небу. Холодный воздух ласкает мою чешую, запах дыма доносится до меня. Вероятно, у Силы заняло большую часть дня, чтобы добраться до леса, мне же потребовалось не больше одного сэна.

Приземлившись в общем районе, где карта последний раз отмечала ее, я продолжаю остаток пути пешком. Она вряд ли ушла с того места, где я в последний раз ее видел. Там нет лунного света, чтобы смягчить крошечную тьму, поэтому путешествовать в темном лесу, все равно, что искать быстрой смерти.

Я останавливаюсь, когда ловлю ее запах. Она близко, но прячется от меня.

— Сила. — Я создаю сафур, чтобы она могла видеть, что это я, и она не должна бояться. Хотя, насколько ей известно, я все еще ее враг, стремящийся удерживать ее в плену. — Сила, я могу найти тебя, если захочу, но я бы предпочел, чтобы ты показалась добровольно.

Тишина.

Затем шелест кустов, когда она шагает в поле зрения.

Увидеть ее снова, похоже на то, как увидеть, солнце после долгих дней гроз. Я не осознавал, как мне тяжело, пока лик Силы не принес мне облегчение.

— Я бы предпочла, чтобы ты оставил меня в покое и полетел обратно туда, откуда пришел, — говорит она.

— Только с тобой.

Недоверие исходит от нее, в глазах гнев и боль. Ее взгляд ненадолго опускается, обследуя мое обнаженное тело, прежде чем Сила закусывает губу и смотрит на меня.

— Если ты думаешь, что я дам тебе похитить меня снова, ты глубоко ошибаешься.

Едва слова покинули ее рот, прежде чем она оборачивается и удирает в темноту. Я отбросил сафур и погнался за ней.

Для существа, чье зрение плохое в абсолютной темноте, Сила удивительно ловко уклоняется

от густого скопления деревьев, окружающих нас.

Тем не менее, я догоняю ее и ловлю за талию. Она - дикое животное в моих руках, рычит, брыкается, ударяет и извивается в попытке уйти от меня. Поэтому я тяну ее на землю и опускаю свой вес сверху на нее.

Сила продолжает извиваться, пытаясь освободиться. Она не может видеть меня, но у меня безупречное зрение во тьме.

Ее губы расслаблены, когда она дышит через рот. Ее грудь вздымается возле моей. Это напомнило мне о той первой ночи, когда я схватил ее у дерева и почувствовал мое первое искушение поцеловать ее.

Это искушение снова поднималось внутри меня. У меня было больше, чем ее поцелуи. У меня было ее тело под моим, именно так, мое имя на ее губах, ее тепло и восхитительный запах сводящий меня с ума от необходимости в ней. Только в ней.

— Я не заберу тебя обратно в Андрак, если ты не захочешь вернуться, Сила, — говорю я. Затем добавляю голосом тише. — Даже отведу в Тарро, если это то, что ты хочешь. Но есть что-то, что я должен сказать тебе.

Она успокаивается.

— Что?

— Для начала я встану и помогу встать тебе, — говорю я. — Ты не будешь пытаться убежать от меня. Хочу отвезти тебя кое-куда.

— Почему я должна доверять тебе? — спрашивает она. — Ты всегда, говоришь одно, а делаешь другое.

— Сила, за то время, которое мы провели вместе, уверен, ты изучила меня. Если бы я хотел вернуть тебя обратно в Андрак, мы бы сейчас были в небе. Ты не смогла бы остановить меня.

— Хвастовство о том, как ты можешь похитить меня, если захочешь, не принесет тебе никакой пользы.

— Прости.

Ее брови поднялись, как будто она удивилась, что я способен произносить слова.

— Хорошо, тогда, — наконец говорит она. — Я уйду. — Я помогаю ей встать, и она хватается за мои руки, чтобы найти равновесие в темноте. — Но как только мы закончим со всем, что ты должен сказать, ты сдержишь слово и отвезешь меня в Тарро.

Несмотря на то, что ее слова раздражают меня, я молча киваю. Направляя ее туда, где первый сафур еще искореняет темноту, я предупреждаю ее отойти в сторону, прежде чем меняюсь.

Она смотрит на меня с благоговением. Мой дракон рад, что моя половинка огня ценит его форму и не съезживается от нее.

Я опускаю свое тело и жду ее.

— Ты хочешь, чтобы я ехала верхом на тебе? — спрашивает она в шоке. — Разве это не запрещено в вашей культуре?

Она предпочла бы, свободно свисать над верхушками деревьев, как тогда, когда я нес ее в последний раз? Я не могу говорить в форме дракона, поэтому продолжаю ждать ее, когда возбуждение прогоняет ее недоверие.

Она приближается ко мне. Встречаясь с моим взглядом, она нерешительно ласкает мои чешуйки. Я вспоминаю тот первый момент, когда мы столкнулись друг с другом. Как она коснулась меня подобным образом, прежде чем спасла мне жизнь.

Приняв, что она моя половинка огня, сейчас ее прикосновение возбуждает меня. Я готов изменится в свою основную форму и взять ее, когда она поднимается мне на спину. Она медленно двигается вверх, пока не оборачивает свои руки вокруг моей шеи, ее тепло

прижимается ко мне.

— Не смей бросать меня, Терон, — говорит она, ее голос мягкий с легким юмором.

Когда я поднимаюсь, готовясь к полету, она выпускает изумленный выдох. Сила кричит, когда я отталкиваться от земли к небу.

Когда я лечу она издает звуки удивления, я выполняю легкие вращения, чтобы произвести на нее впечатление. Меня опьяняет звук ее испуганного смеха, довольный тем, что могу вдохновлять ее на другие эмоции, помимо недоверия и неприязни.

Горы виднеются впереди и вскоре, я приземляюсь на плоскую поверхность, ведущую ко входу в одну из пещер.

Я меняюсь, и протягиваю ей руку. Я уже ожидаю, что она отстранится от меня, но она позволяет мне вести ее вперед. Сафур расцветает в ладони, отгоняя большую часть темноты.

— Это пещера, — говорю я ей. — В этих горах их много. Перед изобретением городов и зданий это место, где рур драки создавали свои дома.

— Кажется, что кто-то все еще живет здесь, — говорит она, указывая на меха, которые составляют кровать.

— Да, я. Это принадлежало моему отцу. Я приезжаю сюда, когда хочу уйти от стресса работы и Андрака.

— Я предполагаю, что убивать людей может быть изнурительной работой, — говорит она, ее тон прохладный, когда она освобождает руку от моей хватки. Вся эта легкость и юмор, когда мы летели, исчезли. — О чем ты хотел поговорить? Не понимаю, почему ты должен был привести меня сюда, чтобы сказать это.

— Ты моя асафура, Сила, — тихо говорю я. — Ты знаешь, что это значит?

Она хмурится, когда выбирает путь через буквальный перевод. Я удивлен, что она не знает, что это такое, поскольку она выучила многое из культуры Рур от андрасари, которого потеряла.

— Один огонь?

— Это означает половинка огня, — объясняю я. — У каждого рур драки есть пара, которую Кахафура выбрала специально для них. Они половинки огня – делающие цельными и горящими сильнее, когда нашли и приняли свою пару.

Она качает головой.

— Я не рури драки, поэтому, очевидно, не могу быть твоей половинкой огня.

— У моего дракона примитивный разум, но богиня дала ему возможность постигать вещи, превосходящие те, что могу я, в своей первичной форме. Он выбрал тебя как мою асафуру, Сила. Он хочет, чтобы ты была моей парой. — Я понижаю голос и приближаюсь к ней. — Я хочу, чтобы ты была моей парой.

У нее вид человека, которого внезапно ударили, без объяснений, предоставленных нападшим. На лице появляется вспышка возбуждения и приятное удивление, прежде чем оно сменяется сомнениями, болью и потемневшим гневом.

— Ты выбросил меня, Терон, — говорит она, ее голос глухой, когда опускает взгляд. — В один момент ты заставил меня чувствовать, что я была всем, что ты хотел. Тогда в следующий, ты избавляешься от меня, как будто я ничего не значила для тебя. Потому что я ничего не значу для тебя. Я человек, которого ты можешь использовать и выбросить, когда наиграешься. Так же, как и остальные. Теперь ты говоришь мне, что я твоя – твоя... асафура, и я должна поверить тебе и кинуться в объятия? — Ее глаза сверкают от недоверия в свете сафура. Она качает головой. — Ты захватил меня и поработил. Убил бесчисленное количество моих людей. Ты безжалостный ублюдок, чья единственная миссия в жизни - уничтожение, и я не хочу иметь ничего общего с тобой, не говоря уже о том, чтобы быть твоей парой.

Я почти морщусь от боли, вызванной ее словами. Это хуже, потому что они верны. Это

правда, я не заслуживаю Силу. Может быть, никогда не буду, но я предпочел бы провести остаток своих лет, трудясь, стать лучше для нее, чем не пытаться, чем никогда не иметь ее в своей жизни.

— Мне очень жаль, Сила. Может быть, уже поздно говорить об этом, но я сожалею о том, что сделал с тобой, за мое сопротивление тому, что было правильно. — Я хочу прикоснуться к ней и держать возле себя, но знаю, что она не примет это. — С той первой ночи, когда встретил тебя, я хотел тебя. Я рос с твердой уверенностью, и ты полное противоречие этому. Это напугало меня, поэтому я оттолкнул тебя. Ты можешь понять?

Ее единственный ответ: поджатые губы и стальной взгляд.

Я глубоко вздыхаю. Если разговор не заставит ее принять мою искренность, то придется действовать. Когда я двигаюсь к ней, она тут же отступает и уходит от меня. Я ловлю ее за предплечье.

— Оставайся на месте, — приказываю ей. Прежде чем Сила сможет дать мне саркастическое возражение, которое знаю, появляется у нее на языке, я касаюсь ошейника вокруг ее шеи и отключаю его. Затем, швыряю его в какое-то дальнее, темное углубление в пещере. — Никогда больше ты или твои люди не будут носить ошейник.

Она поглаживает свою голую шею, ее глаза округлились.

— Что это значит?

— Это означает, что я прекратил сопротивляться. Что я буду работать в направлении освобождения всех людей от рабства.

— А как насчет Афата и Ронана? Они будут сильно возражать против этого.

— Это будет первое препятствие, да, но я его преодолею.

Некоторое время Сила молчала, прежде чем отвела взгляд от меня. Я сжимаю кулаки по бокам, пытаюсь подавить разочарование. Слишком поздно. Не знаю, почему я ожидал, что она вдруг изменит свое мнение.

— Ты все еще хочешь, чтобы я отвез тебя в Тарро?

— Да, — тихо говорит она. Затем смотрит на меня. — Но не сейчас. Я устала и хочу отдохнуть сначала. — Сила полностью встречает мой взгляд. — Но, если ты не хочешь ждать, все в порядке.

— Я подожду. — Не только сегодня вечером, пока она отдохнет и будет готова уйти от меня, но до тех пор, пока Сила окончательно не простит меня, пока не сдастся и не примет меня как своего.

Глава 20. Терон

— Почему ты делаешь это? Почему освобождаешь людей?

Янтарное свечение сафура развеивает темноту в углах пещеры. Голая, Сила купается в пещере, в бассейне с подогревом. С моей удобной позиции на мехах, я могу видеть только ее тонкие плечи, но, если бы приблизился, чистая вода раскрыла бы полностью ее наготу.

Я бросил взгляд на зазубренный потолок пещеры надо мной. Если буду пялиться в направлении Силы дольше, слабая власть, которая у меня есть над сдержанностью, чтобы не вытащить ее, мокрой и визжащей, из бассейна и взять ее, исчезнет.

— Ты показала мне, что это правильно, — говорю я. — Я устал от беспорядков в Андрасаре. Я бы хотел снова, видеть его мирным и процветающим, как это было, когда мой отец был Конайем.

Она замолчала на мгновение.

— Спасибо, — тихо говорит она. — Добьешься ты успеха или нет, по крайней мере, ты готов попробовать.

— Есть еще одна причина, — говорю я. — Если люди будут свободны, не нужно будет

скрывать, что я хочу тебя.

Между нами наступает молчание. Секунды становятся минутами. Затем Сила поднимается из бассейна, и вода течет вниз по ее обнаженному, великолепному телу. Приподнявшись, я не могу отвести взгляд. Не тогда, когда она приближается ко мне.

Ее взгляд скользнул по мне, когда она сжала губы.

— Эйин рассказала мне, как она получила свой шрам, но как ты получил свои? — мягко говорит она.

Капли воды цепляются за ее кожу, и она блестит на свету. Ее кудри свободно висят за плечами. Они обвисли поскольку мокрые, но некоторые все еще непокорно завиваются, как их владелец.

Я смотрю на ее темные розовые губы, затем на круглые, полные груди, где кончики - темные бутоны на ее коричневой коже. Мой взгляд падает еще ниже на мягкий живот, а затем в эту точку между ее ног, где я хотел бы поместить мое лицо, мой язык, мой член.

Приходится делать усилие, чтобы вспомнить вопрос, когда ее вид похищает мое дыхание.

— От того же человека. Он несколько дней наказывал и мучил меня, потому что я чуть не убил его за то, что причинил боль Эйин. Моя кровь перевертыша не может залечить шрамы, сделанные от другого дракона Рур.

Ее черты лица искажаются от ярости. Мне нравится, что это направлено не на меня, и это в моих интересах.

— Когда-нибудь Афат заплатит за все, что сделал.

Веселье растягивает мои губы.

— Карма?

— Точно. — Затем она хмурится. — Я думаю, что со мной что-то не так. Мне хотелось ненавидеть тебя, как должна. Я сидела в бассейне, ожидая ненависти, но она так и не пришла.

— Это не значит, что с тобой что-то не так. Это лишь означает, что ты более великодушна, чем остальные из нас.

Она молча смотрит на меня, прежде чем подходит ближе и ласкает мое лицо.

— Никогда больше, Терон, — говорит она. — Никогда больше не причиняй мне боль, иначе ты пожалеешь об этом. Ты знаешь, я не делаю пустых угроз. Я сказала, что ударю тебя в тот раз, и ты убедился, что ударила. Дважды.

Усмехнувшись, я перемещаюсь на колени и тянусь к ней, скользя рукой вокруг ее тела и прижимая ближе ко мне. Ее кожа еще влажная от ванны, но я не против. Прижимаюсь губами к этому гладкому пространству между ее грудями, целуя податливые изгибы ее плоти.

Ее вздохи наполняют меня удовлетворением. Я хочу провести остаток своей жизни, слушая, как она издает эти крошечные звуки. Сила запускает руки в мои волосы, когда я провожу руками вниз по ее мягким бедрам. Затем провожу ими назад, чтобы сжать ее сочный зад.

Ее соски - твердые пики. Она дрожит и стонет, когда мои губы приближаются к ним. Ее тело напрягается от разочарования, достигнув моих губ самостоятельно, когда я не охватываю ее соски своим ртом.

Я уже мучительно твердый для этой красивой женщины. Не в первый раз я поражен тем, что это восхитительное существо желает меня.

Думал, что буду тем, кто сломает ее, чтобы утащить во тьму вместе со мной. Но вот я на коленях перед ней с надеждой, что смогу встать, чтобы встретиться с ней на свету.

— Терон, — задыхается она, когда я, наконец, всосал ее сосок в рот. Потирая и кружа языком вокруг вершинки, я всасываю ее плоть. Я медленно скольжу пальцами вверх по внутренней стороне бедра, мои пальцы бродят по ней там, где она уже мокрая и возбужденная для меня.

Один ее запах сводит меня с ума от похоти. Такой мягкий и сладкий, прямо, как она. Я освобождаю ее грудь, чтобы поцеловать ее ребра, прокладывая дорожку поцелуев по ее животу. Когда-нибудь, если она примет меня, наш ребенок будет расти там.

Откинувшись на корточки, мое лицо находится на уровне таза. Я перемещаю губы над углублением - соединения ее бедер, когда мои пальцы погружаются между ее слегка раздвинутыми ногами. Она уже такая скользкая, что ее соки покрывают мои пальцы.

— Пожалуйста ... сделай это ... — Сила потирается об мои руки, прося о большем. Я тоже хочу большего. Я наклоняю голову и прижимаю нос к ней, вдыхаю ее божественный запах.

Мой язык двигается резкими толчками, упиваясь ею в быстром движении, и она дергается от этого. Этой дегустации мне мало. Нужно чтоб она раздвинула ноги подо мной так, чтобы я мог наслаждаться ей.

Обнимая, я тяну ее вниз, чтобы она могла лечь спиной, на меха. Немедленно прикрываю ее тело собой, медленно целую, хотя мой дракон требует, чтобы я поторопился взять ее.

Наше первое столкновение было быстрым, родившееся от отчаяния, от сдерживаемого разочарования желая друг друга, но слишком напуганные последствием. Сегодня вечером я буду исследовать Силу. Буду брать ее так долго и так часто, как только смогу.

Шелковая влажность ее языка кружит против моего, когда мы целуемся. Моя рука проходит вдоль ее бока, вниз по грудной клетке до бедра. Когда она работает рукой между нами, чтобы прикоснуться ко мне, я стону в ее рот.

Сила дергает меня, каждое поглаживание вытягивает мои стоны. Я разрываю наш поцелуй, чтобы усыпать поцелуями ее челюсть. Извиваясь, любимая пытается направить меня в нее. Поскольку я пульсирую от отчаяния, чтобы погрузить себя внутрь нее, отстраняюсь от ее хватки с мягким смехом.

— Еще нет, ненасытная.

Она дуется, и я всасываю ее нижнюю губу между зубами, прежде чем продолжить то, что я планировал. Я целую ее подбородок, а затем грудь. Когда помещаю одну из ее грудей в ладонь, ртом нахожу другую.

Она хнычет мое имя, когда я сосу ее грудь и тяну соски. Ее звуки заставляют меня стонать, пробуя ее. Она настолько отзывчива, беззастенчива, давая понять, что любит все, что я с ней делаю.

Освободив грудь, я ползу по ее телу, помещая легкие поцелуи на коже, по пути вниз. На ее лице появляется застенчивый взгляд, когда Сила раздвигает ноги для меня.

Хотя я знаю, что не был ее первым, она все еще неопытна. Жгучий гнев и ревность поднимаются внутри меня при мысли, что она была с другим мужчиной, но я ослабляю его. Это не имеет значения. Теперь она моя. Навсегда. После меня не будет другого.

Ее киска блесит, приглашая меня дальше. Я провожу губами вдоль внутренней стороны бедер, а Сила поднимает их в ожидании моего прикосновения. Она такая мокрая, что ее соки смачивают бедра, и я упиваюсь этим на пути к моему призу.

Мой рот открыт над ней, выдыхая горячий воздух на нее, чтобы помучить. Она извивается, ее рука летит к затылку в безмолвном требовании, чтобы закончить то, что я начал. Когда я, наконец, впервые пробую ее на вкус, мы оба стонем в унисон.

Черт. Она такая теплая, такая мокрая, ее запах вызывает у меня головокружение, насколько это хорошо. Я должен сдержать зверя внутри себя, продолжаю говорить себе - продвигаться медленно, чтобы наслаждаться ею, а не поглощать, как приказывает мой дракон.

Я облизываю вдоль внутренней части ее пухлых губ, когда вставляю палец в ее тепло. Она такая тугая, сжимает мой палец, как тесные ножны. Когда я держал ее на своем члене в первую ночь, я был на грани освобождения. Просто находясь внутри нее. Все же я добавляю второй

палец в нее.

— Это, — говорю я ей, когда толкаю пальцы в нее, — это обещание того, что должно произойти, когда я закончу, заставив тебя кончить на мой язык, Сила.

— Ох ... — стонет она. Ее пальцы запутываются у меня в волосах, сжимая пряди в кулак. Я нахожу ее тугой маленький бутон и полностью покрываю его своим ртом.

Всасывая его слегка, я скольжу по нему языком туда и обратно. Я терпеливо переношу резкие рывки Силы на моих волосах, когда она вдавливая свою киску в мой рот.

Мой член болезненно пульсирует, отчаявшись заменить пальцы, поглаживающие ее тесное, влажное тепло. Тем не менее, я полон решимости дать ей то, что ей нужно, чего она заслуживает от меня и больше.

Трахая ее пальцами, я продолжаю поглощать и всасывать ее. Сжимаю бедро свободной рукой, удерживая ее широко открытой, чтобы мог пировать ею.

Вскоре она уже не просто извивается. Она брыкается, ее удовольствие возрастает. Спина выгибается от пола, вытягивая шею, когда кончает.

Ее длинный стон и то, как она сжимает мои пальцы, эйфория для меня. Когда она дрожит, я поднимаюсь и хватаю ее за бедра, переворачиваю, чтобы она была на коленях.

Она выпускает небольшой вздох удивления, когда я обнимаю ее сзади. Я сажусь на корточки, а она откидывается на меня.

Ее ноги раздвинуты, влажное тепло находится прямо на моем члене. Она так голодна, что сразу же начинает скользить по моей длине, поднимаясь вверх, чтобы головка могла протолкнуться к ее входу.

Я обхватываю ее полную грудь в одной руке, другая проникает между ее ног, чтобы коснуться именно там, где я собираюсь быть в ближайшее время. Я насилую ее своими пальцами мои губы на ее плече и сзади на шее. Я мягко кусаю в плечо, а затем ласкаю, языком там, где укусил.

— Терон, — умоляет она: — Пожалуйста ... пожалуйста, перестань заставлять меня ждать ... Богиня свыше, нет звука слаще, чем моей половинки огня, просящей мой член.

Моя рука на плече, я толкаю ее вниз, так что Сила становится на четвереньки передо мной. Я располагаюсь позади нее, потирая свой ствол о ее капающую влажность.

Стремление быть внутри нее нарастает, но я наклоняюсь, чтобы оставить поцелуи на гладкой спине Силы. Добравшись, чтобы погладить ее полные груди, я скольжу ниже по ее бокам.

Только прикосновение к Силе приносит мне почти такое же удовлетворение, как трахать ее.

Мои пальцы впиваются в ее бедра, пока я направляю себя в ее тепло. Сила стонет и дрожит, когда я вдавливаю в нее. Схватив оба ее бедра, врываюсь в нее глубоко и полностью, раскачивая ее вперед.

У нее вырывается задыхающийся вздох и ее тугое влагилице ворует у меня страдальческий стон. Я хотел быть внутри нее так долго, что почти не желаю двигаться, опасаясь, что следующий толчок может быть моей погибелью.

Сила извивается, уже нетерпеливо ожидая большего, а я должен исполнять желания моей пары. Я толкнулся в нее, сначала медленно, чтобы восстановить контроль над собой. Она такое крошечное существо по сравнению со мной. Когда я смотрю вниз между нами, где мой член скользит в нее, напоминает мне, насколько я больше нее. Мое беспокойство о том, что я причиняю ей боль, сметается, когда Сила покачивается назад против меня в поисках более жесткого траха.

Поэтому я запутываюсь пальцами в ее прекрасных кудрях и даю ей то, что она хочет. Врезаюсь в нее, и она берет все, что я даю ей со стонами удовольствия. Ее спина изгибается, когда она снова кончает, ее тело напрягается, когда она ловит ртом воздух. Сила содрогается

вокруг меня сильнее, чем когда-либо, и я разделяю ее стоны.

Отметь ее как свою.

Я продолжаю толкаться в нее, когда наклоняюсь над ней, моя грудь прижимается к ее спине.

— Ты принимаешь меня как своего, Сила? — рычу я ей на ухо. — Ты принимаешь меня как свою половинку огня?

— Да, Терон ... ты мой ... ты моя половинка огня ... — она говорит, задыхаясь, без колебаний. — Точно так же, как я твоя.

Ее принятие наполняет меня триумфом и радостью, заставляет зверя внутри меня победоносно реветь. Мои губы раскрыты, мои зубы удлиняются в клыки. Кончики прокусили ее плоть, прежде чем они полностью погрузились в утверждающем укусе.

Сила вскрикивает от боли, но ее крик быстро растворяется в длинном стоне. Я успокаиваю метку своим языком, когда отпускаю Силу. Она сильно дрожит, другая кульминация проходит через нее.

Она сжимает меня так крепко, что тянет меня к финишу. Мое семя выстреливает из меня с такой интенсивностью, что мое зрение темнеет, и я чуть не рухнул сверху на нее.

Тяжело дыша, мы опускаемся на меха в блаженном удовлетворении.

Я держу свою пару против себя, наслаждаясь мягкими поцелуями, которые она дарит моему горлу.

Я был неполным, когда не знал о ее существовании.

Теперь, когда моя пара здесь со мной, я стал цельным.

Глава 21. Сила

Терон будит меня.

Дневной свет струится во вход в пещеру, показывая прищуренный взгляд гнева и беспокойство на его красивых чертах.

— Тебе нужно быстро одеться, — говорит он, когда я моргаю, чтобы держать глаза открытыми. Я до сих пор приятно истощена от того, что мы делали большую часть ночи. — Ронан рядом.

Это будит меня.

— Может быть, он просто проезжает мимо, — говорю я, но в любом случае спешу одеться.

— Сомневаюсь в этом.

Наконец, беспокойство догоняет меня.

— Откуда он знает, что мы здесь?

Терон взглянул в том направлении, в котором бросил мой ошейник прошлой ночью.

— Он, должно быть, нашел идентификатор ошейника из базы данных и охотился на тебя с помощью маячка. - Но почему он охотится на меня? Какая бы ни была причина, конечный результат не будет хорош для меня. — Я не позволю ему забрать тебя, — говорит Терон, хватая меня за руку и выводит из пещеры.

Мы остановились, когда три драки приземлились перед нами. Это первый раз, когда я была так близко к такому множеству драконов и зрелище устрашающее.

Все они выглядят как темные, гигантские монстры, покрытые чешуей, но у каждого рур драки есть уникальные узоры, отличающие их друг от друга.

Я сразу узнаю форму дракона Ронана. Его чешуя не черная, а темно-серая. И он выглядит наиболее грозным из трех.

Как будто чтобы укрепить мою догадку, он меняется в свою основную форму. Остальные двое остаются такими же, в их драконьем виде, как чудовищные стражи.

— Я рад, что ты здесь, Терон, — говорит он, и темная улыбка изогнула его губы. — Боюсь, я принес плохие новости. Вчера вечером Конай был найден мертвым. Медики говорят, что он был мертв в течение нескольких дней.

Черты лица Терона отражают мой собственный - удивление. Как нет печали из-за новостей, нет и радости.

— Тогда почему ты здесь и не ищешь его убийцу?

— Я уже нашел ее, — говорит Ронан с зловещим ликованием. — Отродье человека, которого я казнил, было зафиксировано, через ее ошейник, замышляющей преступление. Мы с тобой тоже были ее мишенью.

Ксиа убила Афата? Мне трудно поверить, хотя я знаю, как сильно она ненавидела его. Мою кожу покалывает от страха, когда взгляд Ронана приземляется на меня.

— Я слышал на пленке, как эта гадина, которую ты взял, противоестественная и отвратительная прихоть, поощряла убийцу.

Сразу понимаю, о чем он говорит. Тот последний разговор, который был у меня с Ксиа до того, как она убежала. Когда угрожала убить тех, кого, она чувствовала, поступили не справедливо.

В то время она была зла и обижена. Люди склонны говорить вещи или делать нелепые угрозы и обещания, которые не имеют в виду, когда находятся в таком эмоциональном состоянии. Это не означает, что они намеревались придерживаться своих слов.

Кроме того, Ронан - известный лжец. Он убил Шихонга и посадил всех нас под ложными обвинениями. Теперь он перекручивает мои слова. Разозленная, я трясусь. Я открываю рот, готова назвать его таким, какой он есть, но Терон говорит первым.

— Следующий раз, когда ты будешь относиться к моей половинке огня, таким оскорбительным образом, будет последним, Ронан, — говорит Терон холодно, а черты лица Ронана искажаются в отвращении. — Ты лжешь. Сила не поощряет других забирать жизни. Поэтому, если ты лжешь об этом, я задаю вопрос и об остальном, что ты сказал. — Он делает шаг вперед, убедившись в том, чтобы удержать меня от прямой досягаемости Ронан. — Ты убил Афата? — Я не вижу его лица, но его голос звучит смертоносно.

В молчании, он сосредоточил злобный взгляд на Тероне. Если он убил Афата, он бы никогда не признался.

— Полагаю, что больше нет смысла скрывать, поскольку ты не уйдешь отсюда живым, — говорит он. — Конечно, это я, убил Афата. И это я, напал на тебя в тот день в лесу.

— Почему, Ронан? — спрашивает Терон, его тон, в равной степени обманутый и яростный. — Я не разделял любви к Афату, но он был твоим другом. Я был твоим другом. Почему ты отвернулся от нас?

— Потому что вы все разочаровали меня, — говорит Ронан. — Я думал, ты станешь Конайем, которому я мог бы служить. Твой тоха пригласил паразитов в наш великий регион, а ваш окан заботился только о преимуществах того, чтобы быть Конаем. Но ты ... ты заботился об Андрасаре как и должен Конай. К сожалению, ты сын Дохара. Его слабость живет внутри тебя, несмотря на мои попытки научить тебя силе. — Он насмехается. — Ты вырос благодушным в своих обязанностях, позволяя людям выживать среди нас. Затем ты пощадил их жизни. И теперь ты утверждаешь одного в качестве своей пары. — Он качает головой с отвращением. — Ни один Висклауд не заслуживает титула Конай. Только я могу сделать Андрасар снова великим.

— Я умру, прежде чем позволю Андрасару пасть жертвой твоих коварных, подстрекателей к войне, рук.

Ронан злобно засмеялся.

— Действительно, каков отец, таков и сын. Дохар сказал то же самое, прежде, чем я забрал

беспольные жизни его и твоей кахи.

С рычанием, Терон меняется и расходует на Ронана, извергающееся пламя.

Когда Ронан возвращается к своей форме дракона и принимает ответные меры, два других драки присоединяются к борьбе. Это неравный поединок, три против одного.

Я хочу каким-то образом помочь Терону, но что я могу сделать, когда даже их хвосты больше меня? Поэтому я вынуждена отступить к внутренней стороне пещеры.

Я в ужасе, смотрю как мужчина Андрасари, который стал для меня важным, сражается против троих своего вида.

Мое сердце колотится, так сильно, как дрожит земля. Терон кусает шею одного драки, разрывая через его жесткую чешую, отрывая значительную часть плоти.

Обильное количество крови драки разбрызгивается повсюду. Это ужасающее зрелище, страдальческий крик драки заставляет мою кровь застыть. Он возвращается к своей первичной форме, рана становится еще более ужасной, когда мужчина Андрасари замертво падает на землю.

Расправив крылья, Терон метнулся в воздух, а двое оставшихся преследуют его.

Он не улетает далеко. Он резко срывается прочь, кружась, чтобы ухватиться за драки, который ближе, чтобы он мог рыгнуть огнем в лицо и разорвать его грудь своими ужасными когтями.

Когда тот второй драки падает с неба в своем первичном виде, третий отступает от Терона. Он пикирует туда, где стою я.

Это Ронан и он идет за мной.

Но Терон ловит его первым, врезаясь в него, поэтому они оба падают на землю около входа в пещеру. Я теряю равновесие и падаю назад от силы удара. Пол осел там, где они приземлились, трещины разрастаются за пределы.

Теперь борьба может быть равносторонней, но Ронан кажется таким же сильным, как Терон. Они борются, ударяют и рвут когтями друг друга.

Когда он сжимает зубы на шее Терона, я не думаю. Логика исчезает. Этот монстр готов прекратить жизнь моего Андрасари, а я этого не допущу. Я вскакиваю на ноги и подбираю здоровенный камень неподалеку, бросая в него, чтобы отвлечь.

Он сразу же поднимает голову и выпускает волну огня в моем направлении.

Я кричу и бросаюсь на землю, карабкаюсь прочь так быстро, как могу в глубины пещеры. Огонь не достает меня, но жара так сильна, что я обливаюсь потом.

Звучит рев и мое сердце стучит в горле. Я слишком далеко в пещере, чтобы посмотреть, что произошло, но ярость и боль - ужасная свинцовая смесь в моей груди при мысли, что моя помощь была напрасной, и Ронан все же убил Терона.

Равнодушная, что Ронан убьет меня следующей, я выбегаю из пещеры.

Но там, где было два драки, сейчас два самца Андрасари в их первичном виде. Ронан лежит мертвым на земле, тошнотворное зрелище, поскольку большинство его внутренностей снаружи его тела. Должно быть, он погиб из-за того короткого момента невнимательности, когда пытался сжечь меня живьем.

Терон, слабый и тяжело дышащий, стоит над Ронаном. Я потрясена от радости, и я тянусь к нему.

Он обнимает меня в собственнической хватке, и я держу его против себя, не заботясь о том, что он покрыт кровью.

Он мой.

Он жив.

Это все, что имеет значение.

Глава 22. Сила

В результате смерти Афата, Терон становится новым Коной Андрасара.

И верный обещанию, которое он сделал мне в ту ночь в пещере, Терон освобождает всех людей от рабства.

Удивительно, многие Андрасари поддерживают это решение. Они счастливы избежать пережитков насильственной власти Афата и способствовать миру в своем регионе. Конечно, есть еще те, кто считает, что люди и существа Рур не должны сосуществовать. Сейчас их мало. Те, кто продолжают проявлять враждебность и насилие по отношению к людям, пойманы и заключены в тюрьму.

Поскольку свобода от рабства - это хорошо, Андрасар остается во временном беспорядке. В то время как некоторые люди остаются на своих местах, многие оставляют дефицит в рабочей силе, когда переезжают, чтобы сформировать общины на землях, которые Терон подарил им.

Другие, как Ксиа, решили оставить Андрасар, чтобы исследовать остальную часть Рур.

— Куда ты пойдешь? — спрашиваю я ее. Это заняло некоторое время, потому что Ксиа не та, кто легко прощает, но мы с ней помирились. Она стоит со мной на балконе перед дверьми дома, который мы делим с Тероном.

— Я не знаю. — Она перемещает ремешок сумки на плечо. — Тарро, Навет, Йохай ... может быть, даже Сека. Где угодно, только не здесь.

— Я слышала, в Секе нет ничего, кроме льда, — говорю я с небольшой улыбкой.

— Может быть, я замерзну до смерти, — говорит она, глядя на окружающий нас город. — Это то, чего я заслуживаю.

Моя улыбка исчезает. Так же, как Ксиа не прощает легко других, она также не прощает себя за смерть Шихонга.

— Береги себя в своем путешествии, Ксиа, — говорю я. Поднимаю руки, чтобы обнять ее, но останавливаюсь и опускаю их. Мы может и помирились, но между нами все еще есть напряжение. Я считаю, что это связано с тем, что у меня отношения с Тероном. Она все еще презирает его.

Ксиа смотрит на меня какое-то время. Достаточно долго, чтобы заставить понервничать. Затем, к моему удивлению, она притягивает меня к себе в полноценном объятии.

— Прости, Сила, — шепчет она. — Я не думаю, что ты предатель. У меня никогда не будет таких сил, как у тебя, чтобы спасти человека, который хотел, моей смерти. — Когда она отстраняется, она поднимает руку к глазам, чтобы стереть слезы.

— Если бы я нашла Терона в лесу в тот день, мы бы все еще носили ошейники.

— Не стоит недооценивать себя, Ксиа. Ты сильная.

— Нет. — Она качает головой, потом улыбается, когда отступает от меня собираясь уйти. — Но, может быть, когда-нибудь вырасту и стану так же, как ты, Коной са Андрасары.

Тепло заливает мое лицо.

— Это не мой титул.

Махнув со смехом, Ксиа оставляет меня одну на балконе.

Я складываю руки вокруг себя от легкого холода. Вид на город внизу приносит мне покой. Я удивлена, когда пара сильных рук, окружают меня, без усилий отгоняя холод.

— Это может быть, — говорит Терон, рокот его голоса вибрирует на моей спине, его губы движутся у моего уха. Я дрожу, но не потому, что мне холодно. Терон знает, что это моя слабость. Когда он держит меня, его голос низкий и бархатистый. Я сразу чувствую себя в безопасности, довольна и возбуждена.

— Что может быть? — спрашиваю я.

— Титул Конай са может быть твоим, если ты этого захочешь.

Эти слова заставляют меня немедленно насторожиться. Я поворачиваюсь в его объятьях, к нему лицом, мой сердечный ритм ускоряется. Я была его парой почти сто лет, теперь узнав о нем столько же, сколько он обо мне.

Каждый день, каждый миг, который я провожу с ним, каждый случай, когда его руки и губы радуют меня, я все сильнее и глубже влюбляюсь в него. В первый раз, когда мы встретились, этот мужчина Андрасари угрожал моей жизни.

Мы были врагами, готовыми навредить друг другу выживая. Кажется, это было так давно. Теперь Терон осыпает меня бесконечной любовью и преданностью.

— Ты просишь меня выйти за тебя замуж, Терон?

Он пытается скрыть это, но я во всяком случае вижу уязвимый взгляд на его лице.

— Только если твой ответ «да» и ничего другого.

— Ты самонадеян даже в предложении брака.

Я не говорю больше, наслаждаясь его хмурыми темнеющими чертами, когда Терон ждет. Когда я была его зевьей, он бы угрожал мне за отказ отвечать ему. Он больше не мой зевьяна. Терон моя пара, который уважает меня и никогда не терпит неудачу, чтобы показать мне, что я чрезвычайно ценна для него.

— Ну?

— Что ну?

— Каков твой ответ? — Без предупреждения рука Терона опускается и углубляется под моим платьем. Его пальцы скользят к внутренней стороне моего бедра, прежде чем потирают меня там, где я уже влажная. — Или, может быть, тебя нужно немного убедить?

— Убедить - отличная идея, — говорю я, затаив дыхание, когда его пальцы оттолкнули в сторону мое нижнее белье и скользят во влажное тепло.

Его пальцы погрузились внутрь меня, поглаживая меня, Терон касается губами моих губ.

— Ты выйдешь за меня замуж, Сила? — тихо спрашивает он.

— Да, — я задыхаюсь, когда большой палец Терона кружит вокруг меня. — Да, я выйду за тебя замуж.

Я чувствую его торжествующую ухмылку у моих губ, когда Терон извлекает пальцы и поднимает меня на руки.

— Тогда тебе пришло время, получить заслуженную награду за хорошее поведение.

+Бонус. Сила

Я, наконец, добралась до Тарро один эну спустя.

Однако, не сама. Со мной половинка моего огня.

Терон и я гуляем по ярко освещенной улице, заполненной людьми. Это в основном существа Рур, но так же мелькают и некоторые люди. Рабские ошейники больше не обернуты вокруг шеи, и их лица сияют от улыбки.

Ларьки с развлекательными играми, едой и сувенирами заполняют обе стороны улицы. Энергичная музыка и возбужденные голоса наполняют воздух.

— Это фестиваль Ранасфуры, — объясняет Терон. — Огромная гора огня. Ранас - самый большой вулкан Рур. Многие драки со всей планеты приходят, чтобы отпраздновать его извержение.

— Назови меня сумасшедшей, но извержение вулкана не похоже на событие, которое нужно праздновать.

— Ах, тогда, возможно, я должен отменить свои планы, отвезти тебя прямо к Ранасу, чтобы увидеть извержение поближе? — Терон засмеялся над выражением ужаса на моем лице. —

Нечего бояться. Лава выливается в море. Драки верят, что нагретые воды укрепляют их, поэтому купаются в нем.

Его рука на моей пояснице, он ведет меня к кабинке и покупает мне холодное сладкое лакомство.

— Почему ты улыбаешься? — спрашивает Терон.

— Потому что я только что поняла кое-что. — Я облизываю свои губы, чтобы собрать сладкую влагу от лакомства. — Помимо наглости и деловитости, у моего мужа также есть романтическая сторона. — Я ухмыляюсь ему. — Сегодня годовщина того дня, как мы встретились.

Он поднимает бровь, изображая беззаботность.

— Это так? Какое совпадение.

— Мы с тобой оба знаем, что это не так.

Его губы изогнулись, забавляясь, когда он берет меня за руку, скользя пальцами между моим. Я сжимаю губы вместе, от ощущения дрожи в моем животе из-за его прикосновения. Я всегда удивляюсь, как легко Терон может заставить меня хотеть его. Муж делает меня горячей и влажной между бедер лишь полузакрытым взглядом или пальцами на моей коже, или губами, движущимися к мочке уха, когда его шелковый голос ласкает меня.

— Идем, — говорит Терон, когда я доела свое лакомство. — Я знаю место, где ты могла бы увидеть Ранас и наблюдать за его огнем, не вдыхая едкого дыма, вредящего тебе.

Он меняется в форму дракона, большую, впечатляющую и привлекающую всеобщее внимание. Терон ждет, когда я заберусь на него сверху, и я делаю это с горящим лицом и ушами. Мне до сих пор неловко ездить на нем верхом публично, потому что это так долго было запрещено в Андрасаре. Терона это не волнует. Он говорит, что ему приносит радость, когда его пара летает вместе с ним. Это делает меня тоже счастливой. Я никогда не смогу отрастить крылья и летать, но это отличная альтернатива.

Обернув руки вокруг его шеи, я немного визжу, когда он взлетает в небо. Не думаю, что когда-нибудь справляюсь с ощущением опускающегося желудка, когда Терон взмывает в воздух.

Он несколько раз взмахивает крыльями, а потом расправляет их полностью, когда мы парим над верхушками зданий и деревьев. Вскоре мы приземляемся на краю скалы, позади нее густое скопление деревьев. Терон возвращается к своей первичной форме полностью голым. Я стараюсь быть неприметной в своем обычном взгляде на его мускулистую фигуру.

Шрамы на его плоти больше не злят меня так сильно, как раньше. Этот ужасный период его жизни полностью окончен, тем более, что андрасари, который оставил их ему, мертв в течение некоторого времени.

Спереди Терон не что иное, как очерченная плоть, его руки большие и заметно твердые. Полукруглая чешуя на его коже такая же золотая, как и его глаза.

Богиня свыше, бывают дни, когда я не могу поверить, что этот красивый, сильный мужчина андрасари - мой.

Терон ведет меня к дереву с широким стволом и раскинувшимися ветвями. Он садится, тащит меня с собой на землю, между его ног. Когда он обнимает меня и притягивает ближе, я ощущаю член как раз против моей поясницы.

— Там, — говорит он, указывая на огромную темную гору, виднеющуюся на расстоянии. Яркое оранжевое свечение расцветает на ее вершине. Несколько драки окружают его с разных сторон.

— Они выглядят нетерпеливыми.

— Некоторые предпочитают прикоснуться к самой лаве и не ждать, пока она упадет в море.

— Почему у меня ощущение, что ты среди этих «некоторых»?

Он смеется.

— Потому, что ты слишком хорошо меня знаешь.

Оранжевое цветение усиливается в сильный красный цвет, когда извержение раскрывается. Драки окружающие Ранас дышат огнем и устремляются в сторону лавы, будучи не забрызганными. Густая струя дыма поднимается из раскрытой вершины и образует туман, где лава выплескивается в море.

Это захватывающее зрелище, и все мое внимание сосредоточено на нем, пока Терон не перемещает руку к моему бедру.

Поначалу его прикосновение невинно. Нежное, простое поглаживание по материалу моего платья. Затем его рука скользит к его краю. Пальцы перемещаются с колена вдоль внутренней стороны бедра. Нет абсолютно никаких сомнений относительно того, что эта за твердая жесткая штука, прижимающаяся к моей спине, может быть, как и его пальцы на дюйм ближе туда, где он нужен больше всего.

— Я должна была догадаться, что ты привез меня сюда не только для просмотра, — говорю я.

— Вы обвиняете своего Конаи в скрытых мотивах? Другие сурово наказываются за меньшие преступления.

— Принимаете на счет своей короны – значит, есть основания.

Ищущие пальцы Терона находят меня и я вздрагиваю, поднимая бедра, чтобы прижаться сильнее к его прикосновению.

— Ты голая под платьем, Конай са, — говорит он против моего уха, когда следует пальцами по моей щели. — Может, это у тебя скрытые мотивы.

Прижав губы к моей шее, его язык извивается, облизывая меня, прежде чем всосать кожу. Влажный жар заставляет меня дрожать, тем более, когда подушечки его пальцев концентрируются на моем припухшем комочке, и потирают упорными, настойчивыми кругами.

— Терон ... — стону я. Извиваясь, я копаюсь в твердой земле по обе стороны от нас. Терон гладит свободной рукой мою грудь через платье. Он дергает верхнюю часть, потянув ее вниз, чтобы раскрыть мою мягкую плоть своей грубой, жадной рукой.

Терон гладит большим пальцем по каменному кончику, щелкая по нему и имитируя действие на моем комочке. Его длина прижимается к моей спине, безошибочно большая и жесткая. Я хочу его во мне, растягивая меня больше чего-либо. Мое отчаяние должно быть очевидным, потому что Терон пронзает меня пальцами. Он скользит рукой от моей груди к подбородку, поворачивая мое лицо так, чтобы он мог накрыть мой рот своим.

Муж целует меня неистово, с жадностью. Его язык проникает мне в рот и требует меня. Он засовывает свои пальцы в меня, быстро и равномерно, его пальцы умело находят то приятное местечко внутри меня, что заставляет меня кончить. Он втягивает мой язык в рот и проглатывает мое хныканье, стоны удовольствия, когда мои стенки сжимают его пальцы.

Он удерживает меня возле себя пока моя дрожь уменьшается, и я поворачиваюсь, чтобы взобраться на его вершину. Я уже промокла, и уверена, что он чувствует, что сделал со мной, скользя моей влагой по его длине, когда я сижу на нем.

Обхватив его лицо руками, я снова целую его.

— Я люблю тебя, — говорю я тихо.

— Я люблю тебя, Сила, — говорит он в ответ, затем стонет, пока я опускаюсь на него.

Это не то, что мы говорим часто друг другу. Мы предпочитаем показывать это друг другу. Как в тот момент, когда наши тела соединены вместе, и он держит меня так крепко возле себя в своих сильных руках, что я знаю, что он никогда не захочет отпустить меня.

Терон тянет верх моего платья вниз к животу, раскрывая меня своему благодарному взгляду

и голодным губам. Обхватив мой зад, он двигается, ритмично погружаясь в меня, опускает голову, чтобы прихватить ртом мою грудь. Я цепляюсь за его плечи, погружаясь ногтями в его плоть, когда его жесткая длина толкается в меня.

Мы занимались любовью бесчисленное количество раз, с тех пор как приняли друг друга в качестве пары, но все ещё каждый раз такой же волнующий и новый, как в первую ночь, когда он взял меня у себя на полу. Я пропускаю пальцы через его волосы, прижимая его лицо к груди. Я хочу, чтоб он всецело обладал мной так же, как я всецело обладаю им, когда он заполняет меня.

Терон перемещает меня на землю, накрывая мое тело своим. Он стонет, продолжая толкаться в меня, усыпая мое лицо поцелуями. Он впивается, в то место на моей шее, где поставил мне утверждающий укус. Каждый раз, когда он прикасается или целует меня там, сильное удовольствие проносится через меня. Так происходит и сейчас, когда его язык окружал это место.

Когда я кончаю, это взрывоопасно и заставляет меня кричать так громко, как драконы, ревушие над Ранасом. Терон тоже стонет мое имя, его член как сталь внутри меня, когда его семя выстреливает в меня. Я надеюсь, что когда-нибудь оно пустит корни, и я подарю ему маленького дракилу.

Я удерживаю его возле себя, когда мы восстанавливаемся, и он прижимается к моей шее.

— Я помню, — говорит он низким голосом.

Терон поднимает голову, его золотые глаза светятся такой любовью, что это прерывает мое дыхание. Когда-то было время, и он смотрел на меня по-другому. Когда-то было время, так давно, когда он был моим злейшим врагом.

Но больше нет.

Он моя первая и единственная любовь.

— Что ты помнишь? — спрашиваю я, проводя пальцем по его губам. Он все еще внутри меня, и я сжимаю его в ожидании, когда чувствую его утолщение.

— Что сегодня день, когда мы впервые встретились один эну назад. — Он наклоняет голову, пытаясь поцеловать меня в губы, когда легко толкается внутри меня, что заставляет меня задыхаться. — Я никогда не забуду тот день, когда меня благословили тобой.